

Литературный факт.

2020. № 4 (18)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (18), 2020Научная статья
УДК 821.161.1.0<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-260-299>This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)**HERR PANZERBITTER****Из истории русской коллективной поэзии
конца XVIII – первой трети XIX века**

© 2020, И.Ю. Веницкий

Принстонский университет, Принстон, США

Аннотация: В предлагаемой статье анализируются шуточные коллективные стихи П.А. Вяземского, А.С. Пушкина, И.П. Мятлева «Поминание» («Надо помянуть, непременно помянуть надо...», 1833), адресованные их другу и одному из родоначальников «галиматийной» поэзии В.А. Жуковскому. В центре нашего внимания — открывающее это игровое послание имя «бывшего поэта Панцербитера, нашего прихода честного пресвитера», которое мы считаем интерпретационным ключом к тексту. Кем был этот обойденный вниманием составителей словарей писателей автор? Был ли он вообще? Что означает его имя и почему именно с него авторы послания начинают свою игру с адресатом? В статье реконструируется «корпус произведений Панцербитера», включающий текст до сих пор не известной комедии «Пять тысяч рублей», приписываемой этому автору, и анализируется кружковая семантика и прагматика коллективного стихотворения 1833 года (шуточно-галиматийное утешение Жуковского, «поминки» по европейскому ультра-роялизму), рассматриваемого в контексте русской непристойной «подпольной» поэзии конца XVIII — начала XIX веков.

Ключевые слова: коллективная поэзия; фривольная поэзия XVIII в.; литературная игра и мистификация; П.А. Вяземский; А.С. Пушкин; И.П. Мятлев; В.А. Жуковский; литературная полемика; архивные материалы.

Информация об авторе: Илья Юрьевич Веницкий — доктор филологических наук, профессор, Принстонский университет, Принстон, США. Email: vinitzsky@princeton.edu.

Для цитирования: *Веницкий И.Ю.* HERR PANZERBITTER. Из истории русской коллективной поэзии конца XVIII – первой трети XIX века // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 260–299.

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-260-299>

Много еще неизвестного и темного
остается в литературе нашей.

Кн. П.А. Вяземский

К почтмейстеру, которого звали Иван Андреевич,
всегда прибавляли:

«Шпрехен зи дейч, Иван Андрейч?» —
словом, все было очень семейственно.

Н.В. Гоголь

1. Дружеская скоморошина

26 марта 1833 года по старому стилю, в Вербное воскресенье сразу после поминальной Лазаревой субботы, три веселых поэта, князь П.А. Вяземский, А.С. Пушкин и И.П. Мятлев, отправили своему другу В.А. Жуковскому написанные общими усилиями шуточные рашные стихи, строящиеся как список никак не связанных между собой рифмованных экзотических фамилий. Стихи эти были опубликованы сыном князя Вяземского Павлом в 1880 году¹ и вошли в четвертый том собрания сочинений поэта под отсутствовавшим в автографе названием «Поминание»²:

Надо помянуть, непременно помянуть надо:

Трех Матрен

Да Луку с Петром;

Помянуть надо и тех, которые, например:

Бывшего поэта Панцербитера,

Нашего прихода честного пресвитера,

Купца Риттера,

¹ Александр Сергеевич Пушкин. 1826–1837. По документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям Кн. Павла Петровича Вяземского. СПб.: Типография П. Цитовича, 1880. С. 58–61. Письмо и стихотворное послание были написаны рукою Петра Вяземского, за исключением 25 стихов, начинающихся с «Г. Шафонского» до «Да англичанина Варнтта», написанных Пушкиным. Сам 12-летний П.П. Вяземский также принимал участие в этой антропонимической игре. Публикация стихотворения (статья П.П. Вяземского печаталась также в газете «Берег», а автографы Пушкина были литографированы к церемонии открытия памятника поэту в Москве) была замечена, и в прессе необычную фамилию сразу стали проверять, например, «Банцербитер» (Ф.Б. Юбилейная литература о Пушкине // Исторический вестник. 1880. № 8. С. 784).

² Для удобства мы в дальнейшем иногда будем пользоваться этим названием.

Резанова, славного русского кондитера,
 Всех православных христиан города Санкт-Петербурга
 Да покойника Юпитера.
 Надо помянуть, непременно надо:
 Московского поэта Вельяшева,
 Его превосходительство генерала Ивашева,
 И двоюродного брата нашего и вашего. И т. д. [4, т. 4, с. 169].

В этом напоминающем скоморошину тексте³, сочинявшемся, по воспоминаниям П.П. Вяземского, в течение как минимум двух недель, фамилии «выстреливаются» целыми фонетическими очередями (в одном случае краегласный «кластер» достигает девяти единиц):

Кикина, Боборыкина, Аникина;
 Петрищева, Радищева, Татищева, Ртищева, Станищева,
 Пушкина-Бобринцева, Канищева, Павлицева, Кутузова-Голенищева;
 короля Десвитского⁴, Левицкого, Хвитского;
 Приклонского, Шафонского, Волконского, Александра Македонского;
 Винценгероде, Люцероде, Нессельроде, Роде;
 Эме, Дюме, Бартоломе;
 Жилия, Пиля, Киля;
 Чулкова, Носкова, Башмакова, Сапожкова⁵.

Социальный и географический охват этих являющихся на мгновение, как пузыри земли, исторических лиц удивителен — от августейших особ, генералов, губернатора и полицмейстера до скрипача, циркача, пресвитера, кондитера, парикмахера, литератора и ресторатора; от Лиссабона, Парижа и Петербурга до Костромы, Оренбурга и Василисурска⁶. Покойники здесь «благополучно соседствуют»

³ Ср. шуточный «подбор имен» в распространявшейся в XVIII веке в списках знаменитой «Калязинской челобитной»: «А подлинную челобитную писали и складывали Лука Мозгов да Антон Дроздов, Кирила мельник да Роман Бердник да Фома Веретенник» [23, с. 199]. Рифмованные списки фамилий встречаются в русской литературе не только в комических жанрах, но и в серьезных — например, в одах XVIII века или наследующей им поэме Пушкина «Полтава».

⁴ Т. е. покойного Людовика Восемнадцатого. Как указал в примечании к этому стихотворению П.И. Бартенев, русские «солдаты стоя во Франции говорили про Людовика XVIII-го наш Дизвитов: они слышали, как французы называли его dix huit».

⁵ Последняя цепочка явно объединена тематически.

⁶ А.О. Смирнова-Россет вспоминала, что сложнее всего авторам этого текста было найти рифму на «Юсупова». Ее якобы нашел Мятлев, вспомнив какого-то «полковника Арапупова». Эта фамилия явно вымышленная и пародийная. На самом

с живыми, родные и близкие «с людьми совершенно незнакомыми» [11, с. 182]. Используя терминологию Ю.Н. Тынянова, конструктивным приемом этого стихотворения можно назвать комическое сопряжение перекликающихся «далековатых фамилий», обрушивающее все возможные генерализации и иерархии и создающее новые неожиданные и мимолетные ритмико-смысловые «блоки»⁷. Другим приемом, объединяющим этот бесконтрольный саморасширяющийся каталог имен, является «питийная» мотивировка словесного потока, отраженная в самом тексте (сочинители не только поминуют краткими «тостами» живых и мертвых, но и особо отмечают «всех тех, которые напиваются рано»).

Это коллективное стихотворение традиционно помещается в собрания сочинений каждого из соавторов. Немногочисленные комментаторы этой шутки обычно указывают на ее фольклорно-календарную основу, связь с пушкинским фрагментом того же 1833 года «Сват Иван, как пить мы станем...» («монолог пьяного мужика») и относят к традиции «домашней» галиматийной поэзии. По общему мнению, никакой смысловой нагрузки зарифмованные в ней фамилии не несут, хотя, как замечает Н.Г. Охотин, автор статьи об этом стихотворении в «Пушкинской энциклопедии», она не исключает диалог с адресатом, упоминаемым в самом тексте («Надобно помянуть: Жуковского балладника») [22, с. 276–278]. Действительно, в обрамлявшем это послание письме к поэту Вяземский назвал приносимые вирши «вольным подражанием» «Певцу во стане русских воинов» (стихотворению Жуковского, строящемуся как череда заздравных тостов героям) и пригласил своего друга к участию в коллективном «поминальном» «буриме».

В предлагаемой статье мы постараемся показать, что эти безусловно шуточные стихи представляют собой не просто свободный поток мастерских экзотических «фамильных» рифм, но содержательную «кружковую» импровизацию на историко-литературную

деле не так уж и трудно было найти подходящие по звучанию реальные фамилии XVIII — первой трети XIX века: Егупова, Тупова, Чупова. В XVIII веке был даже один помещик Фирс Залупов (не это ли имя, найденное Мятлевым, камуфлирует Смирнова?) [29, с. 71–72]. Она сообщала, что саму эту игру придумал Н.В. Гоголь, якобы «научивший Пушкина и Мятлева вычитывать» в «Русском инвалиде» публикуемые списком имена приезжающих и отъезжающих. О комических «вещных» именах-масках у Гоголя см. статью Юрия Тынянова «Достоевский и Гоголь. К теории пародии» [33].

⁷ Так, по замечанию В.А. Кошелева, ряд «Чулков, Носков, Башмаков, Сапожков» замыкается примкнувшим к ним по ассоциации с обувью «генералом Пяткиным» [11, с. 190].

тему. Более того, мы полагаем, что это галиматийное послание имеет свою прагматику, понятную участникам кружка, и интерпретационный ключ, открывающий для исследователя дверь в «запретную» и до сих пор мало изученную литературную традицию.

2. БЫВШИЙ ПОЭТ

Как мы видели, первым после традиционного фольклорного зачина авторы «образцовых поминок» называют «бывшего поэта Панцербитера, нашего прихода честного пресвитера»⁸. Почему длинный список фамилий начинается именно с поэта? Почему «бывшего»? Кто он такой? Почему он назван «пресвитером»? Какой «приход» имеется в виду? Комментарии к стихотворению в авторитетных изданиях трех поэтов недалеко ушли от краткой и, как кажется, малоинформативной, сноски, данной к этому имени П.И. Бартевым при переиздании работы Вяземского-сына в 1885 году: «Скромный стихотворец конца XVIII века»⁹.

Сам Вяземский дважды вспоминает об этом поэте в своей «Старой записной книжке», причем оба раза в связи с «большой рукописью» статс-секретаря Екатерины Великой А.С. Храповицкого, «в которой собраны были многие любопытные и неудобопечатаемые, по крайней мере в то время, случайные и карманные более или менее сатирические стихотворения». Здесь, наряду с ломоносовской «одой к бороде или о бороде», сатирами и куплетами «почетного арзамасца» князя Д.П. Горчакова, «довольно скоромными» сказками А.С. Хвостова и переводчика вольтеровской «Альзиры» П.М. Карбанова, «являлся со стихами своими и какой-то Панцербитер — имя, кажется, не поддельное, а настоящее». «Кто теперь знает, что был у нас поэт Панцербитер? — продолжал Вяземский. — Где эта рукопись? Вероятно сгорела она в Московском пожаре 12 года» [4, т. 8, с. 507]¹⁰.

⁸ Мы исходим из того, что стих о пресвитере относится именно к поэту, а не к купцу в следующей строке. Дело в том, что в этом рифмованном списке собственное имя обычно сопровождается препозитивным нарицательным, выступающим как дополнительная характеристика, более уместная в постпозиции.

⁹ К биографии А.С. Пушкина. Вып. 2. М.: Университетская типография, 1885. С. 55.

¹⁰ Показательно, что Вяземский в «Старой записной книжке» представляет эту «подпольную» (термин Г.А. Гуковского и В.Н. Орлова) традицию как утраченную, «допожарную». Попытки Вяземского в публикациях и частных беседах реконструировать утраченный сборник Храповицкого свидетельствуют о том, что к этой традиции он относился как к погибшей в 1812 году старой московской культуре,

В другой версии своих воспоминаний Вяземский указывает, что среди сатирических и фривольных произведений в составе этого утраченного сборника были непристойные «стихотворения Карина и за подписью какого-то Панцербитора» (через «о»). «Вымышленное это имя или настоящее, — рассуждает он, — не знаю; но в печати оно, кажется, не известно. Много еще неизвестного и темного остается в литературе нашей» [4, т. 8, с. 41].

Об этом загадочном Панцербитере, отсутствующем в словарях русских литераторов XVIII века, вспоминают в своих мемуарах и братья Сергей и Федор Глинки, причем приводят сведения, вроде бы подтверждающие версию, что такой автор действительно существовал. Так, С. Глинка вспоминает о нем как о своем задушевном приятеле, закончившем шляхетский корпус за три года до драматурга В.А. Озерова, талантливом авторе, полиглоте, прекрасно писавшем по-французски и «умно» по-русски. Этот Панценбитер (Глинка пишет его имя через «н») сочинил по-французски трагедию «Крапс» и послание к сибариту (к самому себе), оставшиеся неопубликованными. Ему же принадлежит и комедия «Пять тысяч рублей», которая, как пишет Глинка, в свое время очень нравилась Н.М. Карамзину, любившему слушать ее в исполнении автора, покуривая трубку. Из этой комедии, проданной при содействии Карамзина начальнику московских театров «за пятьдесят целковых», мемуарист привел по памяти две пространные цитаты. Увы, сетовал Глинка, комедия этого сочинителя вместе с «подрядными» операми самого мемуариста давным-давно канула в Лету, а «богатые познания» ее создателя не доставили ему «никакой службы». Умер Панценбитер незадолго до отставки Глинки, то есть около 1800 года¹¹.

В свою очередь, Федор Глинка в воспоминаниях о «незабвенном» Николае Михайловиче Карамзине сообщал, что Панцербитеру (через «р») принадлежала «пьеса» «Была девица Катерина», «которая долго бегала по рукам в рукописи». Мемуарист также указал на то, что в конце XVIII века Панцербитер был частым гостем Карамзина, который всякий раз, когда он входил, приветствовал его словами:

возрождаемой им в своих воспоминаниях, подобно Фениксу, из исторического пепла. Он также указывает на то, что Жуковский в своем «Вестнике Европы» напечатал «несколько эпиграмм, взятых из этого сборника и, разумеется, позволительных и целомудренных». Скорее всего, речь идет об опубликованных в четвертом номере журнала за 1809 г. семи эпиграммах с шутливыми подписями. Г. Зыкова предлагает рассматривать эту публикацию как цикл, принадлежащий Вяземскому [7].

¹¹ Глинка С.Н. Записки. СПб.: Русская старина, 1895. С. 185.

«”Was macht man auf dem Parnasus, Herr Panzerbitter?” и продолжал с ним *веселый* разговор»¹².

Наконец, П.И. Бартенев привел в примечании к одному из писем Н.М. Лонгинова свидетельство Вяземского о том, что ему в старых рукописных сборниках случалось «находить стихотворения какого-то Панцербиттера (через два “т”. — *И.В.*), и в числе их одно про Екатерину Великую, неприличного содержания. (Горюет вдовушка, горюет день и ночь и горюю своему не знает, как помочь. Такого горя ей и с роду не бывало)»¹³.

Упомянутые выше русскоязычные произведения, приписываемые мемуаристами Панцербиттеру (Панценбиттеру, Панцербиттеру, Панцербитору), нам удалось идентифицировать¹⁴.

3. Тень Закарючкина

Как установил еще в начале XX века В.Н. Рогожин, комедия «Пять тысяч рублей» в конце 1797 года подавалась в московскую цензуру неким *Антоном* Панцербиттером, но напечатана не была. Ее поставили в Петровском театре в следующем году, но никаких откликов она не имела¹⁵. Рукопись этой одноактной комедии в стихах с именами актеров-исполнителей хранится в Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеке (отд. 1, шкаф XVII, полка 2, место 28; №13823).

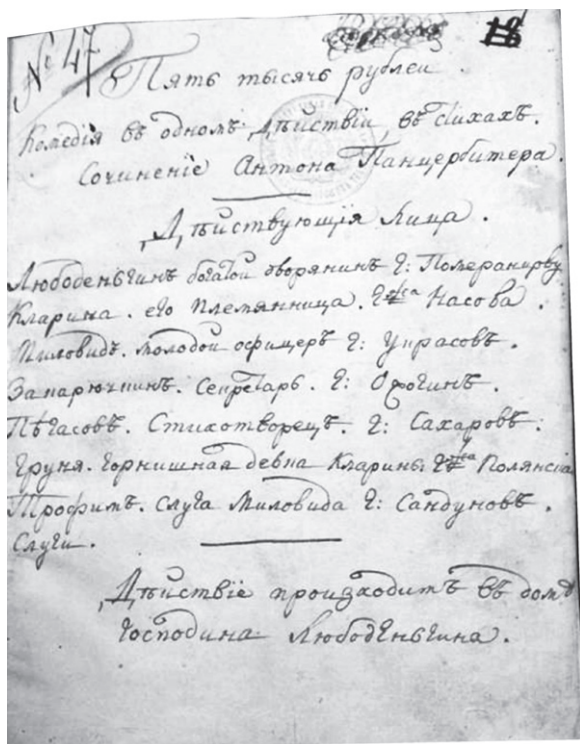
Сюжет этой пьески прост и традиционен (неудачное сватовство старого крючкотвора к юной племяннице скряги), но легкая афористичная речь персонажей и умелая разработка характеров (прежде всего Кларины, издевающейся над старым женихом, бывшим

¹² Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1903. Т. 8. Кн. 2. С. 86 (публ. К.Я. Грога).

¹³ Русский архив. 1912. № 6. С. 196.

¹⁴ К сожалению, французские произведения Панцербиттера — эпистолу к сибириту, начальный стих которой цитирует С. Глинка, и трагедию «Крапс» — обнаружить не удалось. Возможно, что первая была переделкой стихотворения Берни, включавшего похожую сентенцию (C. de Bernis, “Epître Sur l’Ambition”). Название трагедии, как мы полагаем, отсылает не к игре крапс (кости), а является искаженным именем одного из героев римской истории Флавия Юлия Криспа, сына Константина I и Минервины (сюжет, популярный в западной трагедии). Впрочем, это мог быть и другой римский герой, полководец Красс, неудачно воевавший с парфянами (в таком случае трагедия могла быть связана с бесславным походом молодого Зубова против персов). Но все это только догадки.

¹⁵ *Рогожин В.Н.* Дела «Московской цензуры» в царствование Павла I. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1902. С. 71.

«бонбандиром», а ныне судейским чиновником, Закарючкиным, и остроумной и самоотверженной горничной Груни, бросающей вызов своему барину¹⁶) свидетельствуют о несомненном профессионализме автора.

Приведем два примера из этой канувшей в Лету, по словам Глинки, комедии. Оба относятся к ухаживаниям Закарючкина. В порыве страсти старик бросается к ногам красавицы (явл. 24-е):

Глядите, вот я весь и спереди и сзади.
 Ужель не нравлюсь вам? Скажите, чего ради?
 Ласкали давиче постельну вы сабачку.
 Я видя ласки те едва не слег в горячку;
 Но к щастию слуга мне подал скоро льду...

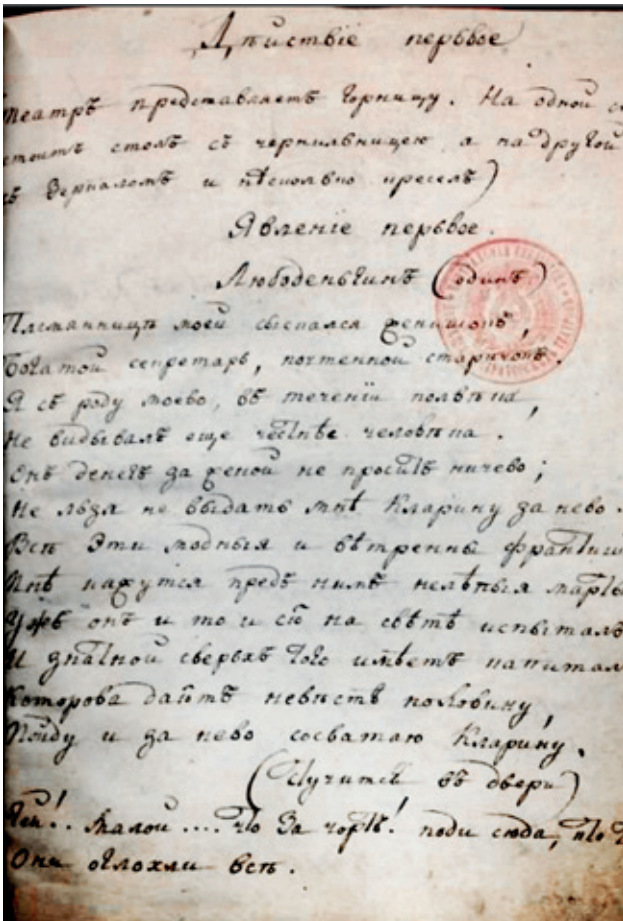
¹⁶ «Любоденъгин: Я право наглости такой не понимаю. // Севодни Груня ты никак с ума сошла. Груня: Севодни блажь на вас действительно нашла... [...] В пустых сударь словах теряете вы время. // Угрозы ваши нас не могут ужасать // По вашей дудочке не станем мы плясать» (явл. 5-е).

Вот он мечтает о будущих брачных отношениях:

Как будет весело, когда зачнет она
Бородку мне лизать и мною любоваться.

В «Записках» Сергей Глинка цитирует по памяти комическое кредо Любоденьгина, составленное из начальных стихов его первого монолога и апофегмы из реплики, обращенной к племяннице Кларине (у Глинки «Клариссе»¹⁷) в другом явлении:

¹⁷ Очевидно, Глинка связывает это имя с героиней знаменитого романа С. Ричардсона «Кларисса, или История молодой леди» (“Clarissa, or the History of a Young Lady”), родственники которой пытаются насильно выдать ее замуж за старика.

Племяннице моей сыскался женишек,
 Богатый секретарь почтенный старичек.
 Я с рода моего в течение полвека,
 Не видываль еще честнее человека.
 Он денег за женой не просит ничего;
 Нельзя не выдать мне Клариссы за него.
 Пусть качествами он с Клариссою несходен:
 Не качествами муж, количествами годен.

Глинка также по памяти цитирует фрагмент из любовной челобитной секретаря Закарючкина, которая, по воспоминаниям мемуариста, особенно забавляла Карамзина. Эта цитата почти дословно воспроизводит текст из «Доношения» «Вселюбезнейшей племяннице господина Любоденьгина от секретаря Закарючкина»:

«Записки» С. Глинки

Я, именованный Васнлий Закарючкин,
 В теченье двадцати и девяти годов,
 Лишился двух супруг н днесь остался вдов:
 Супругу третью мне потребно того ради.
 А поелику вы зависите от дяди,
 Который обещал поставить мне жену...
 Жениться я на вас никак не премину.

«Пять тысяч рублей»

Я именованный Василий Закарючкин,
 В теченье двадцати и девяти годов,
 Лишился двух супруг н днесь остался вдов.
 Хозяйку третью мне потребно того ради;
 А поелику вы зависите от дяди,
 Который обещал поставить мне жену
 Жениться я на вас никак не премину.
 Извольте учинить, сударыня, решенье,
 Прошу, приняв сие покорно доношенье,
 Сблаговолить меня в супруги воспрять.

Иными словами, память Глинки спасла от полного забвения это остроумное сочинение и его таинственного автора.

4. Соловей в руке

Другое произведение, приписывавшееся Панцербитору, «Была девица Катерина», также существует. Этот приведенный Федором Глинкой стих является зачином известной эротической поэмы «Соловей», традиционно атрибутируемой князю Д.П. Горчакову, автору сатирических «Святок», сатир и эпиграмм, распространявшихся в списках. Эта поэма включалась в рукописные сборники неподцензурной поэзии конца XVIII — начала XIX века и была опубликована В. Каллашем с пропусками целых строф в 1903 г., а затем полностью

И.Ф. Мартыновым в 1981 г.¹⁸ Она представляет собой перевод приписывавшейся в XVIII веке Лафонтену гривуазной сказки (conte) «Le Rossignol» (“Pour garder certaine Toison”), в свою очередь, написанной на сюжет известной четвертой новеллы из пятого дня «Декамерона» Боккаччо¹⁹. Юная (у «Лафонтена» — четырнадцатилетняя) героиня поэмы уговорила родителей разрешить ей спать на галерее, чтобы лучше слышать пение соловья. Утром батюшка нашел ее в постели с «соловьем» в руке (обладатель последнего, ловкий детина по имени Пролаз²⁰ (Ришар у «Лафонтена»), лежал рядышком):

¹⁸ Текст поэмы В. Каллаш опубликовал по редакции рукописного сборника самого начала XIX века, принадлежавшего императорской Публичной библиотеке. В конце поэмы приписано «из Москвы» («так часто обозначал свои печатные произведения кн. Горчаков»), «из Ланфонтеновых сказок» (Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1903. Т. 8. С. 365). Полностью текст горчаковского «Соловья» напечатан И.Ф. Мартыновым по копии из рукописного сборника 1801–1802 гг., в состав которого входили материалы о коронации императора Александра, стихотворения Державина и цикл сатирических стихов, в частности, поэма «Солдатская жизнь» гренадера И. Макарова (то есть, скорее всего, поэма в трех песнях лейб-гвардии Измайловского полка рядового Василия Макарова об истязаниях в армии), «Любовное изъяснение пехотинца» С. Марина и «грубая сатира в барковском духе “Блошка”» (видимо, стихи «Про блоху и кузена») [16]. В.П. Степанов в словарной статье о Горчакове указывает, что это произведение, «некоторое время считавшееся одним из ранних пушкинских сочинений», «с достаточной убедительностью» может быть приписано сатирику [28, с. 226].

¹⁹ Contes et nouvelles en vers par Monsieur de La Fontaine. A Amsterdam chez Pierre Brunel, sur le Dam à la bible d'or, 1709. См.: Stewart, Philip, Barron William M. Engraven Desire: Eros, Image & Text in the French Eighteenth Century. Duke University Press, 1992. P. 320. О русских переложениях этой сказки см.: [16, с. 158–163].

²⁰ В комментарии к «Евгению Онегину» В.В. Набоков указывает, что имя Пролаз, часто встречающееся в русских комедиях и народных картинках XVIII века, было образовано «от слов “пролаз” или “пролаза” (и то, и другое мужского рода)» и означало «карьерист» и «низкий доносчик» [18, с. 564]. Более точное значение этого имени дают словари XVIII–XIX веков: «проныра» («прошлый человек, ползун, пройдоха, льстец», по В. Далю; также «человек, любящий пронохивать, что делается в других домах»). Это имя встречается в комедиях Я.Б. Княжнина (сметливый слуга Пролаз) и шутливой сатире И.И. Дмитриева «Модная жена» (так зовут старого мужа ловкой жены). На французский это слово переводилось “le furet” — так назывался французский еженедельник в Петербурге рубежа 1820–1830-х годов. В 1829 г. А.Ф. Воейков применил название этого издания к Ф.В. Булгарину, «недвусмысленно разъяснив, что le furet обозначает не только хорька, но и проныру, сыщика» [3, с. 475]. В этом значении использует имя «Пролаз» А.С. Пушкин в своих выпадах против Булгарина начала 1830-х («Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», 1831). Но автор «Соловья», похоже, задействует другое значение этого имени, характерное для конца XVIII — начала XIX вв.: так тогда переводили на русский язык слово “galant” — «любовник-волокита, пролаза, пройдоха, провор, живой вертлявый молодчик. C’est homme est en galant banal, он за всеми женщинами волокится» (Полной французской и российской лексикон, с последнего издания Лексикона Французской Академии на Российской язык переведенный собранием ученых людей: Т. 1: А–К. СПб.: Императорская типография, 1787. С. 545).

Она с любовником лежала
 Без простыни и одеяла.
 (Затем, друзья, что в той поре
 Великий жар был на дворе.)
 В руках своих она держала,
 И не стесняясь тем нимало,
Ту вещь, какая у мужчин
Для важных спрятана причин.
Ту вещь (ах, как бы перед вами
Назвать достойными словами
Ту вещь, что Катей взята в плен).
Вещь эта — есть тот самый член,
Который пособил Адаму
Из девы Евы сделать даму [16, с. 171]²¹.

Попутно заметим, что стихи о восходящей Авроре из этой поэмы с упоением читает в романе Юрия Тынянова маленький Пушкин (часть «Детство»), и это прочитанное на самой заре жизни поэта произведение служит ему своего рода инициацией и откровением настоящей, то есть запретной, поэзии. Неслучайно именно этой цитатой заключает Тынянов описание чтения Пушкиным «заветных тетрадей» отца²². Примечательно, что далее в тыняновском романе лицеист Пушкин, напуганный однокашником Горчаковым (дальним родственником предполагаемого автора «Соловья»), сулившим ему страшные кары за кощунственные поэмы «Тень Баркова»

²¹ По мнению В. Каллаша, отдельные строфы и стихи этой поэмы «довольно близко напоминают шуточные строфы, “болтовню” Пушкина в “Евгении Онегине” и “Домике в Коломне”, даже внешние особенности его стиха» (Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1903. Т. 8. С. 365). Не только эти произведения. Выделенное курсивом игривое эвфемистическое описание «того члена, который пособил Адаму», можно назвать источником известного эпизода в «Гавриилиаде» Пушкина: «По счастью проворный Гавриил // Впился ему в то место роковое // (Излишнее почти во всяком бое), // В надменный член, которым бес грешил. // Лукавый пал, пощады запросил // И в темный ад едва нашел дорогу. // На дивный бой, на страшную тревогу // Красавица глядела чуть дыша». Это еще одна вероятная связь между творчеством Горчакова (если эта гривуазная поэма действительно принадлежит ему, а не какому-то Панцербиттеру) и «Гавриилиадой», которую Пушкин (и некоторые его современники) приписывали князю-сатирику. О возможном влиянии «птичьей метафорики» «Соловья» на сказку Пушкина о дочерях царя Никиты см.: [14].

²² «Он не чувствовал холода в нетопленной отцовской комнате, глаза его горели, сердце билось. Русская поэзия была тайной, ее хранили под спудом, в стихах писали о царях, о любви, то, чего не говорили, не договаривали в журналах. Она была тайной, которую он открыл» [34, с. 82].

и «Монах», успокаивается за чтением тайком принесенной ему Антоном Дельвигом «нехитрой» французской книжки под названием «*Пролаз литературный*, сборник самых забавных случаев, исторических событий и стихов». Как нам удалось установить, Тынянов «подсовывает» здесь юному поэту вышедший в 1802 году в Париже сборник «*Le furet littéraire: recueil contenant ce qu'il y a de plus agréable en anecdotes, faits historiques et contes*»²³. В состав этой веселой антологии, разогнавшей, по Тынянову, страхи лицеиста, входили галантные фривольные сказки Лафонтена из той же коллекции «Историй и новелл в стихах» (“*Contes et nouvelles en vers*”), в которую включался и «Соловей». Здесь следует также добавить, что в близкой этому жанру барковской традиции «счастливый мой пролаз» (“*le furet*”, «хорек») означал мужской половой орган (то же самое значение это слово имеет и во французской непристойной традиции [43, p. 275]).

В известном смысле Тынянов, реконструируя круг чтения и влияний юного Пушкина, реализует в своем романе пикантную мораль приписывавшейся Горчакову поэмы по отношению к будущему «соловью русской поэзии»: «Теперь не унывайте дети: // Уж соловей попался в сети» [16, с. 174]²⁴.

5. Женское горе

Существовало и третье приписываемое Панцербитеру стихотворение, о «вдовушке» Екатерине. Это не что иное, как «историоризированная» «эпиграмма» из «Девичьей игрушки» Ивана Баркова, не связывавшаяся до сих пор с российской императрицей:

Горюет девушка, горюет день и ночь,
Не знает, чем помочь,

²³ Перепечатка антологии скабрезной поэзии, составленной известным либертином Клодом Мерсье (С.-Ф.-Х. Mercier de Compiègne) «*Le furet littéraire, ou les fleurs du Parnasse*» (Paris, 1800). Возможно, Тынянову был известен какой-то рукописный перевод сборника 1802 года под приведенным им названием (нам его не удалось найти). Связь этой книжки с Дельвигом в романе может объясняться историко-литературной ассоциацией с полемикой пушкинского друга с Булгариним и близким «Северной пчеле» французским еженедельником «*Le Furet*».

²⁴ Цитата из «Соловья», как отмечает Г.А. Левинтон, предвосхищает некоторые мотивы пушкинского творчества (пародия на стих Ломоносова о заре в «Евгении Онегине») и таким образом может претендовать «на статус подлинного подтекста, т. е. научного объяснения, а не сугубо “беллетристической” конструкции» [13, с. 532]. Литературно-исследовательская игра Тынянова с этой цитатой представляется нам более сложной и изысканной.

Такова горя с ней и сроду не бывало —
 Два вдруг не лезут, а одного <...> мало!²⁵

О популярности этой эпиграммы в конце XVIII века свидетельствует лубок («забавный листок») гравера Ахметьевской фабрики Петра Чуваева с сопровождающими скабрёзную картинку стихами:

NYPL Digital Library

<https://digitalcollections.nypl.org/>

items/510d47de-0b56-a3d9-e040-e00a18064a99

²⁵ Цит. по: [10, с. 13]. Включающий эту эпиграмму рукописный сборник конца XVIII века «Девичья игрушка, или Полное собрание эротических, приапических и цинических стихотворений Ивана Семеновича Баркова, знаменитого русского песнопевца в сих родах пиитических произведений и бывшего переводчика при императорской Академии Наук» хранится в ИРЛИ РАН (см. его описание в: Барков И.С. Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова. М.: Ладомир, 1992). Обращает на себя внимание переключка этой эпиграммы со стихотворением «Вдова» И.И. Хемницера — переложением еще одной пикантной сказки Лафонтена, восходящей к роману Петрония: «Вдова моя горюет // И над могилою и день и ночь, // Не отходя ни на минуту прочь, // Тоскует // И, зляя что еще, нарочно голодует, // Чтобы из нежности к супругу своему // Последовать скоряя на тот же свет к нему».

Горюет девушка: горюет день і ночь
таково горя сней: і сроду небывало!
два друга кней неидут а [вариант: «вдруг не лезут ей»]
одново так мало.
не горюи свет мои подна,
одним будеш доволна.
Утешал ее молодец.
[Подпись]: «переведено с французского языка.
Петр Николаев (Чуваев)»²⁶.

Как заметил М.И. Шапир, в одном из писем 1813 г. к А.И. Тургеневу Вяземский «спиритуализировал» пуант этой «эпиграммы», отнеся его к сверхчувствительному князю Петру Шаликову: «... госпожа душа, как и все госпожи, прихотлива, своенравна и ненасытна с ног до головы и со всех сторон. Она, как госпожа, *comme qui dirait* Шаликов, всегда плачется и говорит: Два счастья вдруг нейдут, а одного так мало» [39, р. 80]²⁷.

Примечательна дальнейшая судьба этих обценных и, как мы теперь знаем, крамольных стихов. В 1863 г. их процитировал А.А. Фет в написанной совместно с В.П. Боткиным издевательской рецензии на роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Пересказ сна Веры Павловны, в котором Бозио «ясно показывает ей, что она не любит своего миленького — Лопухова, — а любит кого-то другого», сопровождался текстом, зачеркнутым впоследствии автором (и понятно почему):

Короче сказать, Верочка переживает пафос лакейской песни:

Плачет девчоночка, всю ночь она не спит,
И не знает, как своему горю пособить,

²⁶ Эта картинка награвирована на медной доске с лубочной иллюстрацией «Муж спрашивал жену», изображающей девушку в компании мужа (*Ровинский Д.* Русские народные картинки. Кн. 1. Сказки и забавные листы. СПб.: Типография имп. Академии наук, 1881. С. 382–383). О французских источниках «эпиграмм» из «Девичьей игрушки» см.: [41; 44; 45]. Хотя М. Шрубе не удалось установить источник «Девичьего горя», французское происхождение этой эпиграммы не вызывает у него сомнения (см. ниже версию М. Шапира о фольклорном происхождении этой эпиграммы). О барковском переосмыслении образа Екатерины в карикатурах см.: [48, р. 567–568].

²⁷ Исследователь указывает, что описание этого «девичьего горя» встречается в русских «Заветных сказках» А.Н. Афанасьева: «Вот тут девушка гадала да гадала: одного-то х. мало, а два не влезут; лучше их вместе свить да оба вбить» (прибаутка из сказки «Семейные разговоры»). Возможно, что эта прибаутка заимствована из барковской «эпиграммы», а не наоборот.

С ней такого горя сроду не бывало:
 Двух мужей ей нету, а одного мало²⁸ [19, с. 510].

Отнесение этой «лакейской песни» к образу эмансипированной женщины (зд. чуть ли не нимфоманки) симптоматично для патриархальной консервативной риторики 1860-х годов. Возможно, что мотив этого «девичьего горя» преломляется и в случае с толстовской Элен Безуховой, стремящейся (при живом муже) сохранить двух своих любовников и не знающей, кого из них выбрать в качестве нового мужа: в Петербурге «прямо распространился слух о том, что несчастная, интересная Элен находится в недоуменье о том, за кого из двух ей выйти замуж». Вспомним резкое словечко, адресованное «несчастной» Элен прямолинейной Марьей Дмитриевной Ахросимовой, повстречавшей ее на столичном бале.

В наше время, после публикаций «Девичьей игрушки» в 1990-е, эта эпиграмма превратилась в мизогинистский порнографический анекдот в стихах, кочующий по чатам и сетевым сборникам скабрёзных текстов.

Это приписанное Панцербитеру Вяземским непристойное и крамольное стихотворение (впоследствии «лакейская песня»), как нам представляется, может быть датировано началом 1785 года — временем, когда скорбь Екатерины по умершему «мужу» Ланскому утихла и на смену покойнику пришли по очереди два новых фаворита — А.П. Ермолов и А.М. Дмитриев-Мамонов. Очень похоже, что именно эта «эпиграмма», наряду с «Соловьем», и была представлена, в числе прочих, в сборнике сатирических и пикантных произведений Храповицкого, о котором вспоминал Вяземский.

Но кто был на самом деле ее автором? Не мистификация ли этот «бывший поэт» Панцербитер / Панценбитер / Панценбитор?

6. Одного мало

В самом конце XVIII века в России служили как минимум четыре Панцербитера²⁹.

Первого звали Василием Ивановичем. О нем известно, что в конце века он был майором, а в 1810-е участвовал в работах одной из масонских лож И.А. Розенштрауха [26, с. 625, 962]. Второго звали

²⁸ Бес толкает включить в ряд отголосков «Девичьего горя» и песню Булата Окуджавы «Голубой шарик» («Девочка плачет» и т. д.).

²⁹ В словарях есть также Карл и Патрикей Панцербитеры, но они начали воинскую службу еще в 1740-е гг.

Людвигом (Логином) Карловичем, и он был городничим в Гродно в 1798–1809 гг. Эти две кандидатуры надо сразу отвести, потому что они никак не вписываются в «справку» о Панценбитере Сергея Глинки.

Третьего звали Карлом Кирилловичем (Carl Friedrich von Panzerbieter), и он действительно учился в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе за три года до В.А. Озерова (из этого учебного заведения вышли и братья Глинки). Впрочем, о том, что Карл фон Панцербитер (р. 1765) был писателем или хотя бы просто интересовался словесностью, не говорится ни в одном источнике. Почти всю свою жизнь этот Панцербитер провел в походах и, хотя и продвигался по службе медленно, каким-то особенным неудачником (Глинка вспоминал, что поэт Панценбитер не имел «никакой службы») никак не был. При Екатерине он получал награды за кампании против шведов и поляков, при Александре геройски сражался под Смоленском и при Бородине, участвовал во взятии Парижа, командовал образцовым полком, был кавалером орденов Св. Анны 2-й ст. с алмазами, Св. Георгия 4-го кл., Св. Владимира 3-й ст. и золотой шпаги «за храбрость», в 1815 г. произведен на смотре в Вертю в чин генерал-майора³⁰. С 1789 по 1799 г. он командовал Великолуцким мушкетерским полком, так что едва ли мог быть частым посетителем Карамзина в Москве в 1796–1798 гг. Умер же он не накануне первой отставки Сергея Глинки (конец 1800 г.), а через 19 лет после нее.

Четвертый Панцербиттер (через два «т») звался Егором и был капитаном. Он геройски погиб в бою у Бассиньяно 1 мая 1799 г. во время итальянского похода Суворова³¹. Скудные данные о нем также не совпадают с информацией, приведенной Глинкой.

Ни один из этих исторических Панцербитеров не носил, как мы видели, имя Антон (или его немецкий эквивалент «Отто»). Хотя полностью исключить возможность существования стертого из исторической памяти Антона Парцербитера нельзя, мы склоняемся к тому, что на самом деле такого писателя не было и предположение Г.В. Ермаковой-Битнер о том, что, скорее всего, это был чей-то псевдоним [21, с. 9], вполне правдоподобно.

Только чей? Для ответа на этот вопрос прежде всего следует обратить внимание на то, что подписанная этим именем комедия

³⁰ Краткий биографический очерк о нем составил для «Русского биографического словаря» Б.Л. Модзалевский (Т. 18. С. 286). См. также: Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. [Т.] VII. М.: Студия ТРИТЭ, 1996. С. 507 (справка А. Горшмана).

³¹ *Соседко Ф.Д.* История 72-го пехотного Тульского полка. 1769–1901. Варшава: Земледельческая газета, 1901. С. 88.

(единственная фактическая зацепка, которую мы имеем) была подана в цензуру почти одновременно с произведениями писателей одного и того же московского литературного кружка, в который входили Ф.Г. Карин, Н.П. Николев, кн. Горчаков, Д.И. Хвостов, Н.М. Шатров и к которому примыкал в конце века молодой поручик Сергей Глинка. Примечательно, что в процитированном выше фрагменте из «Старой записной книжки» Вяземский упоминает неприличные стихи «какого-то» Панцербитера в непосредственной связке с Кариным.

Федор Григорьевич Карин был последователем Сумарокова, идеологом позднего классицизма, автором новаторского «Письма к Н.П. Николеву о преобразителях российского языка», переводчиком с французского комедии «Фанелия, или Заблуждение от любви», «Ифигении» Расина и сочинителем поданных в 1797–1798 гг. в цензуру сборников «разных песен» (последние не сохранились)³². Карин, армейский поручик в отставке, имел репутацию вольнодумца, «роскошного сибарита того времени и страстного любителя словесности» (ср. свидетельство С. Глинки о том, что Панценбитеру принадлежит послание к сибариту, то есть к самому себе)³³. По мнению ряда исследователей, именно он скрывался под псевдонимом (точнее, литературной маской) Алексея Дружерукова (был такой сообщник у знаменитого Ваньки Каина [1, с. 238]), именем которого подписан стихотворный «Разговор в царстве мертвых Ломоносова с Сумароковым» (1777, переизд. 1787 и 1789)³⁴. Карин умер как раз в том самом 1800 году, которым Глинка датировал смерть своего друга-поэта. Воспоминания о нем в «Записках» Глинки предшествуют рассказу о Панценбитере. В то же время он не учился в кадетском корпусе и не был (если верить его биографу В.И. Саитову [24, с. 6]) знаком с Карамзиным.

³² Через московскую цензуру в эти годы прошли сочинения Ф.Г. Карина «Песня. Люблю», «Разные песни» и «Три песни». Тогда же вышло и «Продолжение разных песен, сочинение поручиков Ф. Карина, С. Глинки и титулярного советника Н. Шатрова». Возможно, что музыку к этим песням написал друг Глинки и Карина композитор П. Кашин (последний был автором музыки к нескольким либретто комических опер Глинки начала 1800-х).

³³ Глинка С. Письмо к издателю Современника // Современник. 1843. Т. 30. С. 215.

³⁴ В 1777 г. в Москве вышли «Песни» Алексея Дружерукова (Опись библиотеки Д. Н. Шереметева. СПб., 1883, № 3586). Это издание до сих пор не обнаружено. По другой версии, восходящей к гр. Д.И. Хвостову, Алексей Дружеруков был реальным историческим лицом, чиновником канцелярии московского генерал-губернатора П.М. Волконского. См.: [9], а также словарную статью Н.П. Морозовой [28, с. 287–288].

Этим Панцен/рбитером (= автором комедии «Пять тысяч рублей») мог быть и сам Сергей Глинка, цитировавший по памяти в конце жизни пространные фрагменты из этого произведения, написавший для театра ряд комических опер и напечатавший в конце XVIII века совместно с Кариним и Шатовым сборник песен, следы которого затерялись.

Наконец, под этим именем мог выступать и князь Горчаков, которому, как говорилось выше, приписывался «Соловей», равно как и множество других «презревших печать» произведений. В конце века Горчаков напечатал в карамзинских «Аонидах» небольшой цикл любовных стихотворений о Хлоюшке. Вероятно, он присутствовал и на торжественном обеде у Карамзина, посвященном выходу в свет этого альманаха³⁵. Сохранились сведения, что в середине 1780-х Горчаков написал какую-то трагедию об Америке³⁶, но в печати она не появилась. Известно, что сатирик любил прятаться под литературными псевдонимами и масками. Так, от имени одного из выдуманных им в комической опере «Щастливая тоня» одописцев, лирического стихотворца Ивана Чертополоха («всему известного миру» «нового Ломоносова»), он сочинил и напечатал пародийную оду на победу над Швецией, в которой, как мы полагаем, высмеял недавнюю «простонародную» сатиру одописца Василия Петрова «Приключение Густава III, короля шведского, 1788 года, июля 6-го дня»³⁷. В финале этой оды Горчаков комически обыгрывал стих из

³⁵ На этом обеде, по воспоминаниям С.Н. Глинки, произошел обмен колкостями между хозяином и другом Горчакова поэтом Н.П. Никольвым.

³⁶ Не состязавшийся ли с Фонвизиним и Карабанным перевод вольтеровской «Альзирь»?

³⁷ *Иван Доброхотов Ч...* Велико-российская победоносная ода над шведами. [Б. м.] (Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1961. Т. 2. С. 250). Мы не можем согласиться с мнением Д.М. Шарыпкина о том, что «это не пародия, а скорее шутивная застольная песнь, в которой автор обращается с тостами по очереди к русским героям шведской кампании» [37, с. 80]. Странная для изысканного и страстного Горчакова простонародная (безграмотная и чуть ли не графоманская) манера (при сохранении характерных для него выпадов против «попов»: «Попы устроены молится, // Как можно им в Звездах уж с пушкою возится?») вышучивает длинное стихотворение официального одописца Екатерины, воспевашее победу над шведским королем басенным стихом («Густав // В покое жить устав...»). В свою очередь, на сатирическую поэму Петрова (одно из первых русских оригинальных произведений в жанре «Разговора в царстве мертвых») оказала влияние бурлескная «простонародная» опера Екатерины «Горобогатырь Косометович», направленная против честолюбивого Густава [12, с. 82]. Заметим также, что свою «гудошную» (несомненно, пародийную) оду на взятие Очакова написал в это время и друг Горчакова Николев, скрывшийся под литературной маской отставного солдата Моисея Слепцова (Две оды на взятие победоносным российским воинством города Очакова 1788 года, декабря 6 дня, сочиненные первая Т...М в царстве мертвых, вторая отставным солдатом Моисеем Слепцовым. М., 1788).

«Послания к слугам моим» Дениса Фонвизина — литературного соперника своего ближайшего друга Николева:³⁸

Иван Доброхотов Ч...

Д.И. Фонвизин

Не часто ль от того родится всем беда,
Чем тешиться хотят большие господа,
Которы нашими играют господами
Так точно, как они играть изволят нами?

А ты наш Пушкин Граф! греми в сем острову,
Да Шведов нам пусти, как кукол по столу.

Создатель твари всей, себе на похвалу,
По свету нас пустил, как кукол по столу.

Придуманные сатириком имена бездарных стихоплетов (Чертополоха и Доброхотова), метившие в конкретных литературных противников, стали общим достоянием каринского литературного кружка³⁹. Этих воображаемых авторов Горчаков упоминает в послании к Д.И. Хвостову (в выделенных курсивом стихах, похоже, содержится намек на его пародийную оду на поражение короля Густава):

Куда все разошлись, ну ежели врасплох
Пожалует сюда теперь Чертополох!
Он может завладеть нечаянно Парнасом
И будет нас глушить своим нескладным гласом.
*Уж Доброхотова велел он оседлать
И седиши на него воздвигнуть хочет рать,
Своими вооружась прескучными стихами,
Надеясь ими нас сразить, как трюхами.*

Примечательно, что в комедии Панцербитера «Пять тысяч рублей», поставленной в Петровском театре летом 1798 года, также выведен комический стихотворец, пародирующий, по всей видимости, поэзию Петрова. Этого стихотворца зовут Пегасов (играл его актер Сахаров)⁴⁰. Он является к скряге Любоденьгину (его роль исполнил

³⁸ Об антифонвизинских выпадах Горчакова см.: [31, с. 224–229].

³⁹ Чертополох упоминается в эпиграммах Горчакова. Его бестолковые стихи вспоминает Николев в «Рассуждении о стихотворстве». Возможно, что именно этот герой популярной комической оперы князя Горчакова «породил» впоследствии другую «пародическую личность» — сентиментального поэта князя Эраста Лиодоровича Чертополохова, придуманного П.Л. Яковлевым. Под этим именем писали пародии и другие авторы («Клюйте, галки! // Я не сержусь»).

⁴⁰ Имя Пегасов как маска дурного стихотворца впервые было использовано П.Ф. Мальтицем в переводе комедии А. Пирона «Страсть к стихотворству» (М., 1787). Персонаж с этим именем представлен и в комедии Н.Ф. Эмина «Знатоки»

известный актер В.П. Померанцев) с предложением воспеть грядущую свадьбу 18-летней племянницы последнего Кларины (г-жа Носова) со старым (пятидесятилетним) секретарем Закарючкиным (последнего играл Александр Ожогин, славившийся «неистошим буффонством»; он, кстати сказать, был исполнителем роли Бабы-Яги в одноименной комической опере Горчакова⁴¹). Бывший «глава ученой шайки на Парнасе», Пегасов безуспешно пытается сочинить эпиталаму, в которой, как мы полагаем, не только высмеивается традиционная для жанра аллегория «грядущих» Венеры и Вулкана⁴², но и намекается на сюжет из относительно недавнего перевода «Энеиды» Петровым («Еней, Героическая поэма Публия Вергилия Марона»):

И се грядет Вулкан с Венерой в Пафос
 Начало кажется довольно громогласною.
 Другой бы стих такой так было бы прекрасно.
И се грядет Вулкан с Венерою в Пафос.
В дороге у него озяб и лоб и нос.
 Нет, плоской будет стих и низкая идея.
 Вот! Рифма иногда замучит рифмодея.
И се грядет Вулкан с Венерою в Пафос.
Седую бородой ко свадьбе он оброс.
 И это кажется не очень будет складно.
 Придумать не могу. Все плохо и не ладно.
 Зачем я на конце поставил тут Пафос,
 Провал возми все то что кончится на ос.
 Бывало рифмы пек я точно как и сайки
 И на Парнасе слыл главой ученой шайки.
И се грядет Вулкан с Венерою в Пафос.
 (Подумав несколько)
 Нет, черт меня сюда и с рифмами занес.
 (Впадает в глубокую задумчивость).

(СПб., 1788). Чертополох в опере Горчакова угрожает своему критику, что напишет на него кучу сатир и припишет это собрание Пегасу.

⁴¹ По сведениям М. Пыляева, «этот актер был необходим для райка. Он был большого роста, с комическою физиономиею и удивительно развязный на сцене» (Пыляев М.И. Старая Москва. СПб.: Издательство А.С. Суворина, 1891. С. 127–128).

⁴² Стих, дальше которого Пегасову никак не удается пойти, восходит к эпиталамическим аллегориям, использовавшимся еще в петровской драме. Ср. в «Акте о Калеандре и Неониде»: «Грядет Купидо, Венера выезжает на львах в колеснице, за ними Вулкан идет. Венера садитца на трон присудствующу Волкану и Купиде подле» [20, с. 361].

Заметим, что выражение «ученая шайка», восходящее к названию комедии Федора Эмина (1768), высмеивающей А.П. Сумарокова [27], преломляется в начале «Оды похвальной автору Мельника» (1781), приписываемой князю Д.П. Горчакову [30, с. 116–117]:

Подай мне, муза, балалайку,
Хочу я оду отодрать
И в стихотворческую шайку
Себя намерен записать.

Та же рифма «балалайка — шайка» использована и в «гудошной песне» Моисея Слепцова (то есть Николева) «На вятие Очакова», пародировавшей «залихватский псевдорусский стиль» придворного поэта Петрова и самой сочинительницы «Горобогатыря»:

Пой, трещи хоть в балалайку,
Лишь не суйся в подлу шайку,
Лишь не будь, пиита, льстец!⁴³

В то же время рифмующееся со словом «шайка» слово «сайка» в эпиталаме Пегасова («рифмы пек, как сайки») может намекать и на осмеянного Горчаковым в оде на «Мельника» драматурга А.О. Аблесимова.

Вообще остроумная комедия «Пять тысяч рублей», поданная в московскую цензуру, как уже говорилось, почти одновременно с другими сочинениями поэтов каринского (николевского) кружка, хорошо вписывается в эстетическую и идеологическую программу Горчакова, которого соблазнительно считать ее настоящим автором. Между тем этот сатирик на многие годы «пережил» глинковского приятеля-стихотворца (умер в 1824 г.).

Кто же конкретно скрывался под именем Панцербитера? Мы полагаем, что оно было не чьим-то «индивидуальным» псевдонимом, но «общей собственностью» этого литературного кружка, то есть литературной, «цеховой» маской вымышленного сочинителя веселых произведений, имевшего свою биографическую легенду и «почившего» со смертью лидера кружка Федора Карина и отставкой Сергея Глинки. «Родственниками» этого Панцербитера являются не лифляндские бароны, а вышедшие из [...] Ивана Семеновича Баркова пародийные личности, вроде созданного А.В. Олсуфьевым

⁴³ О барковианских коннотациях рифмы «балалайка — шайка» см.: [40, с. 143].

и его приятелями старообрядца Ивана Данилыча Осипова⁴⁴. От этих мнимых авторов-проказников «происходит» и благонамеренный Козьма Петрович Прутков А.К. Толстого и братьев Жемчужниковых.

Почему была выбрана для такой маски (если допустить, что это была маска) именно эта реальная немецкая фамилия? Выскажем две догадки. Возможно, что в сознании друзей-литераторов, любивших прятаться под комическими псевдонимами, вторая часть фамилии *-bitter*, то есть «горький», намекала на имевшего репутацию сочинителя фривольных и крамольных стихотворений Горчакова. Но более интересной и, главное, соответствующей каламбурной стихии «подпольной поэзии» представляется нам другая версия.

Обратимся еще раз к словам Глинки об отношении Карамзина к гостю-поэту: «“Was macht man auf dem Parnasus, Herr Panzerbitter?” и продолжал с ним *веселый* разговор». Похоже, что Карамзин просит своего посетителя поделиться свежими шутивными неподцензурными сочинениями, гуляющими по Москве (отсюда, видимо, и курсив в слове «веселый»). Если допустить здесь фонетическую (макароническую) игру с реальной балтийской немецкой фамилией, то в подходящем для случая барковианском контексте семантическому переосмыслению могла подвергнуться заключающая ее половинка — «бистер» => «битка» (по-французски — *la bitte*, фаллос), то есть «Herr Panzerbitter» можно перевести как «хер бронированная битка» (или «хер, пробивающий панцирь»)⁴⁵. Сравним в рамках подобной игры более поздние стихи из барковианской трагедии в нескольких действиях «Король Бардак Пятый»:

Мечу подобный правосудья,
Стоял мой член как генерал —
Легко, не только что кольчугу,
Он даже *панцирь* пробивал [32, с. 94]⁴⁶.

В этой связи слово «скромный», употребленное Бартеневым по отношению к «бывшему поэту Панцербиттеру», упоминающемуся

⁴⁴ См. об этом персонаже: [5; 42; 47].

⁴⁵ Что касается имени Панцербиттера Антон, то здесь почему-то (и совершенно анахронически) вспоминается рассказанная сыном писателя Н.С. Лескова правдивая история о художнике из крестьян по имени Антон Елдаков, который потом переименовал себя в Анатолия Ледакова. О простонародной коннотации имени Антон см.: [35, с. 186].

⁴⁶ К.Н. Красухин называет эту трагедию «шедевром абсурда» [15, с. 26]. Другое значение слова «панцирь» используется в барковской басне «Подъяческая жена и поп»: «И еть без панциря давалась».

в «поминальном» стихотворении Пушкина, Мятлева и Вяземского, можно воспринимать как шутку-намеки — покойник был, скорее, «скоромный» стихотворец.

6. Упокой во здравие

Вернемся к «Поминанию» 1833 года, написанному тремя друзьями-поэтами и адресованному четвертому. Думается, что Вяземский — хранитель предания о русской тайной поэзии, переписанной в заветный сборник Храповицкого, — неслучайно называет в зачине этого послания к Жуковскому Панцербитера «прихода нашего честным пресвитером». Это можно интерпретировать как указание на тайного, символического «родоначальника» определенной коллективной традиции, наследниками которой теперь являются поэты новой эпохи⁴⁷. Неслучайно в сопровождавшем это послание письме Вяземский пишет, что при коллективном сочинении стихов Мятлев выступил «notre chef de l'école» (главой школы) подобного рода поэзии.

Как вообще связаны эти шуточные стихи с Жуковским — признанным мастером поэтической галиматии [8; 36, с. 101–112]? Ответ на этот вопрос следует искать в самом тексте и в литературно-биографическом контексте этого послания.

Начнем с сопровождающего это стихотворение письма. В начале его Вяземский отчитывает своего друга за лень и просит, чтобы тот, «хоть бы ради великого поста», сделал «богоугодное дело» и написал ему подробно о себе: «не даром Булгарин говорит, что ты безбожник и вольнодумец, все что хочешь, но не вольнописец». Речь, скорее всего, здесь идет о жалобах Булгарина на Жуковского в III Отделение в начале 1830-х годов. Но в этих жалобах (или доносах) нет прямых обвинений поэта и воспитателя Наследника в неверии и вольнодумстве [25]. Такие обвинения, между тем, содержатся во французской записке, составленной для Николая I управляющим III Отделением М.Я. фон Фоком. В этой записке Жуковский был представлен одним из лидеров антиправительственной партии. Другим ее руководителем назван здесь Вяземский: «Литераторы, замеченные в антимонархическом направлении и в духе отрицания, сплотились в союз под руководством Жуковского и князя Вяземского. <...> Не подлежит <...>

⁴⁷ О существовании каких-то нескромных стихов Панцербитера Жуковский, очевидно, знал. Напомним, что в составе сборника Храповицкого, включавшего какие-то панцербитерские творения, было, по воспоминаниям Вяземского, и несколько эпиграмм, «разумеется, позволительных и целомудренных», которые Жуковский напечатал в «Вестнике Европы» (см. примеч. 10).

сомнению, что существует большая партия недовольных, мечтающих о перемене образа правления в России, но единомышленники распространяют свое влияние различным образом <...> однако без организационного ядра» [17, с. 488–489]⁴⁸. Еще раньше на подобные обвинения Жуковскому пришлось отвечать в неприятном разговоре с императором Николаем I (дневниковая запись 1 апреля 1830 г. о «головоймойке», устроенной поэту царем)⁴⁹.

Мы полагаем, что шуточное письмо Вяземского к Жуковскому от 26 марта 1833 г. (когда конфликт с царем уже разрешился) пародирует это политическое обвинение, представляя «партию» Жуковского-Вяземского-Пушкина «школой» домашне-галиматийной коллективной поэзии под управлением Ивана Мятлева (или, как говорилось выше, «приходом» «пресвитера Панцербитера»). Невинным (на вид) манифестом такой «партийной» поэзии и является «поминальное» послание друзей-поэтов лидеру их, говоря словами Горчакова, «стихотворной шайки».

В финале письма Вяземский переводит политическую тему вольномыслия в чисто литературную сферу. Он сообщает адресату (причем, в рифму), что соавторы послания часто поминают «Василия Андреевича Жуковского и кума его Михаила Трофимовича Каченовского» (литературно-бытовая шутка: Жуковский был крестным отцом сына Каченовского — недруга Пушкина и Вяземского), и выражает надежду, что отправленный Жуковскому стихотворный «образец» воспламенит вдохновение последнего и тот не преминет «по части швейцарской составить значительное пополнение». Ссылка на «Певца» представляла главу «оппозиционной партии» (в воображении фон Фока) Жуковского своего рода отцом строящегося как «списочное» [22, с. 277] перечисление «живых и мертвых героев» жанра. В свою очередь, само стихотворение — добавили бы мы — можно назвать коллективным дружеским пасхальным посланием в Швейцарию на тему абсолютной свободы поэтического слова (вольномыслие в тех обстоятельствах трансформируется в частное — мотивированное возлияниями — галиматийное фоне-

⁴⁸ Н. Самовер не без оснований предполагает, что «консультантом» фон Фока был Булгарин [25, с. 115–116].

⁴⁹ Линия защиты поэта заключалась в том, чтобы представить себя и свой круг частным дружеским сообществом, а не политической оппозицией. Николай: «Тебя называют главою партии, защитником всех тех, кто только худ с правительством». Жуковский: «Да кто называет? Я никого не знаю! И знать не хочу; живу у себя, делаю свое дело и ни о чем постороннем не забочусь! Моя забота в том, чтобы Вы имели обо мне хорошее мнение, и Вы должны его почерпать из моей жизни, а не из того, что другие говорят обо мне» [6, с. 312–313].

тическое «вольнописание», не знающее иерархий, границ и какого бы то ни было единого смысла).

Перейдем к тексту самого послания. В нем Жуковский упоминается дважды, — не только, как отметил Н.Г. Охотин, в стихе о балладнике, но и в записанном рукою Пушкина обращении к адресату: «Надобно помянуть (особенно тебе) Арндта». Последнее имя по отношению к Жуковскому является особенно значимым.

Дело в том, что весной Жуковский находился в Швейцарии, где ему должна была быть сделана, по предписанию лейб-медика Н.Ф. Арндта, операция по излечению от острого геморроидального заболевания. Свою болезнь Жуковский считал серьезной, постоянно думал о смерти и оставил как минимум два завещания. В то же время его заболевание было объектом многочисленных шуток и каламбуров его друзей, пытавшихся и его развеселить, и себя потешить⁵⁰.

В дневнике Жуковский писал, что решение об операции, принятое им еще 22 декабря (3 января) 1832 г., наваяло на него «странное меланхолическое и приятное чувство» [6, с. 342]. Состояние его здоровья и подготовка (прежде всего психологическая) к операции, занявшая несколько месяцев, обсуждались с ближайшими друзьями⁵¹. 14 (26) марта 1833 г. Жуковский пишет Тургеневу печальное (10-летняя годовщина смерти Марии Протасовой-Мойер, воспоминания о скончавшейся в феврале 1829 г. Александре Воейковой) письмо, в котором говорит, что время поэзии для него «миновалось», оттого что его жизнь «сама по себе бесцветна и что лета уже взяли свое, то есть застудили то, что не было никогда обращено в живое пламя». В этом же письме он упрекает своего болтливое адресата за то, что тот успел уже «возблаговестить в Петербурге», что он пишет поэму, с чем Вяземский его уже и поздравляет: «Этого одного

⁵⁰ В письме к Вяземскому от 2 (14) июля 1833 г. Тургенев жаловался на Жуковского, втайне от него сделавшего опасную операцию: «Ему нож в ж., а нам в сердце от его кровавого равнодушия к этим операциям» (Архив братьев Тургеневых. Петроград, 1921. Вып. 6. Т. 1. С. 240). См. подробнее о медицинской истории Жуковского: [2].

⁵¹ Сразу после операции, состоявшейся 13 (25) июня 1833 г. и продолжавшейся всего четыре минуты, Жуковский с воодушевлением писал цесаревичу Александру Николаевичу, что «важный решительный акт» его излечения завершился удачно, и просил Наследника уведомить лейб-медиков Арндта и Крейтона об этом «хирургическом событии», ибо «действовал по их совету, и им будет приятно узнать, что все кончилось счастливо». «Теперь весело думать, — заключал Жуковский, — что еще, может быть, буду годен для того, чтобы своею жизнью принести вам хотя малую пользу» (Русский архив. 1883. №1. С. XXVI). В июле 1833 г., после повторной операции, Жуковский пишет Наследнику о том, что, по уверению его доктора, «болезнь зарезана; вечная ей память, лишь бы только не воскресла» (С. XXVII).

уже достаточно, чтоб убить мою поэму в зародыше, а до сих пор и зародыша ея».

В начале апреля Жуковский отправился с А.И. Тургеневым в короткое путешествие по Италии и вернулся летом в Веве, где ему были сделаны две успешные операции. Вообще пребыванию в Швейцарии он придавал большое значение, считая этот период «решительным» в своей судьбе. Друг и будущий зять поэта художник Герхардт фон Рейтерн написал портрет Жуковского, стоящего с сигарой (сидеть ему было трудно) у окна, выходящего на Женевское озеро.

Г. фон Рейтерн. В.А. Жуковский на берегу Женевского озера (1832)
G. von Reutern. V.A. Zhukovskii on the Banks of Lake Geneva. 1832.

Примечательно, что об этом портрете Вяземский говорит в письме, включавшем дружеское «Поминание»: «Мердер дал мне копию с портрета твоего стоячего у окна. Ради Бога, напиши. Что здоровье твое? Христос Воскресе, а пока верба хлест, бей до слез». Портрет-

ная тема представлена и в самом послании, но по отношению к изображению одного из авторов — его «курносого сиятельства» Вяземского: «И Петра Андреевича, князя Вяземского Курносого, // Оленина Стереотипа...» (имеется ввиду, по всей видимости, гравюра К. Афанасьева портрета князя Петра Андреевича, над которой он смеялся в стихотворном «Послании к А.А. Башилову при посылке портрета» (1828): «Но в свой черед мы скажем ныне: // Литографирован весь мир. // Теперь кто только нос имеет // Посередине лица, тот сплошь // Его прославить не робеет, // Хотя будь нос и нехорош. // Не мудрено тут вывести справку: // Взойти в кондитерскую лавку // Иль в лавку к Сленину — кругом // Висят бессмертья кандидаты...»).

В этом контексте пасхальное послание к Жуковскому можно считать не просто галиматийным (в духе самого адресата) «домашним», «пост-арзамасским» текстом, но своего рода призывом впавшего в меланхолию друга к творческому воскресению (и завершению долгожданной швейцарской поэмы), поэтическим утешением и развлечением, имплицитно включающим в себя «авторизованную» тему телесного низа (вообще юмор издавна считался эффективным средством борьбы с геморроидальной тоской) и ассоциацию с «вольнописной» неподцензурной традицией дедовских времен. Можно сказать, что открывающее послание имя *нескромного* поэта-пресвитера Панцербитера, рифмующееся с немецким купцом Риттером, славным российским кондитером Резановым, всеми православными христианами города Санкт-Петербурга и «покойником» Юпитером (интересно, богом или каким-нибудь реальным лицом с этим латинским именем?), оказывается своеобразным музыкальным ключом к этой разворачивающейся *crescendo* антропонимической глоссалалии с неожиданными проблесками игривого смысла.

7. «Седьмая часть»

Под таким (подмигивающим) углом зрения в тексте коллективного «Поминания» раскрываются некоторые⁵² прячущиеся за фамилиями упомянутых в нем лиц игривые аллюзии. Обратим внимание лишь на две из них. Вяземский в записанной им части стихотворения поминает:

⁵² Подчеркнем, что мы вовсе не стремимся к «сплошной» семантизации этого абсурдистского текста, подчиняющегося прежде всего ритмико-фонетической «логике». В то же время внутри этого звукового потока (используя выражение поэта, «праздника носоглотки») особенно выпукло проявляются неожиданные смысловые «вкрапления» — аллюзии и шутки.

Всех членов старшего и младшего дома Бурбонова,
И супруга Беррийского неизвестного, оного,
Камер-юнкера Загряжского,
Уездного заседателя города Ряжского...

П.И. Бартенев в комментарии ко второму стиху указал, что он содержит намек на скандал с вдовой герцога Беррийского, объявившей о своей беременности от некоего итальянца. Это наблюдение следует расширить, вписав его в общий политический контекст шуток Вяземского, поминающего здесь всех членов старшего и младшего домов Бурбонов. Речь идет о крупном политическом кризисе Июльской монархии — роялистском восстании, поднятом Марией Каролиной Неаполитанской (Бурбон-Сицилийской), герцогиней Беррийской (1798–1870), попытавшейся поставить на французский престол своего сына, короля «Генриха V».

Восстание легитимистов в Марселе, начавшееся 30 апреля 1832 г. при известии о прибытии герцогини с сыном во Францию, было быстро подавлено. Герцогиня бежала в Вандею, где объявила себя регентшей (среди участников восстания был камер-паж герцогини Жорж Дантес — фиаско переворота в итоге и привело этого «шуана» в Россию). Осенью того же года герцогиня была арестована, и в январе 1833 г. стало известно, что она ждет ребенка (отсюда в послании «неизвестного, оного»). Через месяц она назвала отцом итальянского маркиза Луккези Палли, с которым тайно обвенчалась в Италии. Репутация «регентши» в глазах легитимистов была уничтожена. Над горем этой вдовушки стала смеяться вся Европа, ибо из претендентки на французский престол она сразу превратилась в «обычную» итальянскую маркизу-авантюристку.

Этот сексуально-исторический скандал Вяземский вплетает в аллюзионную ткань послания (чуть раньше он поминает «бывшего французского короля Десвитского», то есть покойного Людовика XVIII⁵³, рифмующегося с бывшим, но еще живым, варшавским комендантом М.И. Левицким, и незадачливого сторонника абсолютизма, короля-регента дона Мигуэля португальского, попадающего в комическую рифменную обойму с «русским Вальтером Скоттом» писателем Масальским и городничим губернского города Мосальска).

⁵³ В своих «Записках» Ф.Ф. Вигель приводил слова русского солдата о «Лудовике XVIII»: «Ну, что твой Дизвитов (так называли они Короля), хорош гусь! ну на что он похож? <...> Ведь наш государь посадил его на престол, да и велел Французам его слушаться, а без того они бы на него и глядеть не захотели. То ли дело Бонапарт». Имя Вигеля также включено в «Поминание».

Более того, с легкостью необыкновенной сочинители этого раешного «памятования» перескакивают от несвоевременно забеременевшей герцогини Беррийской к какому-то камер-юнкеру Загряжскому. Речь, как мы думаем, идет о камер-юнкере Борисе Михайловиче Загряжском, женатом на Анастасии Ивановне Бибитинской и скончавшемся в 1825 году. Он не был лицом историческим, но, по словечку Гоголя, попал в одну пикантную историю, хорошо известную «арзамасскому братству». В одном из писем к А. Бестужеву по поводу «Полярной звезды» Вяземский сообщал, что этому Загряжскому «отрезали шесть седьмых благороднейшего <...> и Неелов говорит, что жене его оставлена часть седьмая». Эту операцию князь сравнивает с вмешательством цензуры в его собственные творения: «И я также вышел из рук цензоров с одною законною частью. Но вы поступили со мною незаконно, выпустив меня на позор несчастным скопцом»⁵⁴.

Видимо, в этом коллективном послании были и другие «кружковые» антропонимические аллюзии, среди которых мы можем распознать лишь малую толику (хорошо, если *седьмую часть*). Так, Пушкин, буквально накануне начавший работу над будущей «Историей Пугачевского бунта», в «своей» части стихотворения поминает «карманный грош князя Григория Волконского // И уж Александра Македонского», которого «не обойдешь, не объедешь». Мы затрудняемся точно установить, в чем именно соль этой шутки (уж не уд ли прячется здесь под ужом и грошом?), но подозреваем, что Пушкин прежде всего отсылает адресата к анекдотическому образу бывшего оренбургского губернатора князя Григория Сергеевича Волконского (отца декабриста), который славился эксцентричными поступками, ходил в худом рубище, в изодранных сапогах, желтых портках и белой байковой фуфайке:

Иногда в таком странном наряде надевает и ордена. В полдни, за городом, ложится между навозными кучами спать, а ночью начлег имеет на валу и всегда сопровождаем бывает мужиками, ребятами и нищими,

⁵⁴ Русская старина. 1888. № 11. С. 323–324. Скабрзная шутка «истинного поэта в своем роде» Неелова здесь оказывается еще и кощунственной. Ср., например: «Бог дал человеку шесть дней времени для исполнения дел настоящей жизни и для удовлетворения нуждам житейским, и оставил Себе только одну седьмую часть» (Поучительныя слова на катихизис православной церкви, говоренныя Архиепископом Иринархом. В 4 ч. Ч. 1. Москва: Университетская типография, 1868. С. 43).

из коих иным дает деньги, а иным, поднимая с земли камень, нередко вынимает из кармана образ.

«При всей своей таковой набожности», Волконский был превеликим охотником «до кумызу» и волочился за женщинами, «хотя с лишком семьдесят ему уже лет». Странности богомольного Волконского объясняли стремлением подражать А.В. Суворову или просто контузией в голову, полученной в одном из сражений⁵⁵. Наконец, рифмующийся с Волконским «вездесущий» Македонский, скорее всего, отсылал не только к великому полководцу древности, но и к скромному российскому чиновнику Алексею Петровичу Македонскому (потом оренбургскому вице-губернатору).

Замечательно, что коллективное «Поминание» завершается (по крайней мере, в известной редакции) не просто обращением к адресату, но ироническим пуантом — характерным для «арзамасского братства» дружеским подтруниванием над автором «ужасных» баллад, венцом деятельности которого в этом роде стал выход двухчастных «Баллад и повестей» в 1831 году:

Надобно помянуть
Жуковского балладника
И Марса, питерского помадника.

Марс здесь, конечно же, не античный бог, а владелец славившегося своими духами и помадами косметического магазина в доме Сутгофа на Невском проспекте в Петербурге⁵⁶. Примечательно, что слово «помада» ранее использовалось Вяземским для критики искусственно-приукрашенной поэзии его друга (ср.: «Как ни сказано пиитически, а все-таки помада!»).

Таким образом, текст квази-фольклорного антропонимического послания к классику галиматийного жанра Жуковскому вбирает

⁵⁵ Заметим, что оренбургская традиция связывала с Волконским происхождение известной «татарской» присказки «старам стала плохам». Как вспоминал И.С. Листовский (со слов Г.Г. Благушиной, муж которой служил при князе), в 1820-е престарелый военный губернатор объявил на смотре башкиро-мещерякскому войску о том, что собирается на покой: «Прощайте ребята! Я послужил с вами довольно: теперь меня Царь к себе требует». «Ну, прощай, бачка, ваше сиятельство!» Добродушно отвечают башкирцы. «Ну, что же, пора! пора! Стара стала, глупа стала, ум кончал!» (Русский архив. 1882. № 1. С. 180). Эту присказку любили использовать Вяземский (несколько раз в поэзии) и Пушкин. Правда, Вяземский считал, что ее происхождение связано с князем Мещерским, а не Волконским.

⁵⁶ *Пушкарев Иван*. Описание Санктпетербурга и уездных городов С. Петербургской губернии. СПб., 1840. Т. 3. С. 96. О «помаде и духах Марса» — с. 10.

в себя характерные для русской традиции шутовской коллективной поэзии политические (поминки по европейскому ультра-роялизму), эротические, литературные и бытовые аллюзии и «цеховые» намеки, направленные на то, чтобы рассмешить, приободрить и «пробудить» приунывшего вожда арзамасской дружины.

Иначе говоря, с историко-литературной точки зрения (та самая «память жанра», о которой писал Бахтин), шутливый призыв авторов послания «Надо помянуть...» к Жуковскому можно сформулировать не как *memento mori*, но как *memento Panzerbitter*.

* * *

В заключение заметим, что Вяземский, говоря о «вдохновительной» силе этого образцового поминального послания, глядел как в воду. Испытанная в стихотворении, впервые опубликованном в 1880 г., «упоминательная клавиатура» (выражение О.Э. Мандельштама) оказалась пригодной для дальнейшего пользования. Уже в 1888 г. появляется шуточная имитация этого послания, озаглавленная «Архитектурное поминание»:

Надо будет помянуть —
 Помянуть нам зодчих нужно:
 – Князя Дмитрия Ухтомского,
 Древне зодчего московского
 При Сенатской Экспедиции —
 Надо, надо будет помянуть.
 Академика болонского,
 Переводчика Витрувия и т. д.

А в годы первой русской революции по рукам рабочих фабрики бывших Карзинкиных ходили стихи:

Товарищи, надо помянуть, непременно помянуть надо:
 Директора Грязнова,
 О себе много нящего
 и в нужды наши не входящего;
 Никифорова брюхатого,
 Муравьева плутоватого
 И хромого Бабаева.
 Надо помянуть, товарищи, нельзя не помянуть:
 Помощника управляющего Соколова,

Бухгалтера Швырева
 И грызлу Лихачева.
 И всех наших угнетателей
 Помяни, господи, во царствии твоём⁵⁷.

По иронии судьбы, бывший «мнимый поэт» XVIII века Панцербитер, намекавший Жуковскому о *веселой* (фривольной и крамольной) литературной традиции, трансформировался в сатирической «подпольной» поэзии начала XX века в образ реального директора-эксплуататора⁵⁸, а жанр дружеского утешения и развлечения — в политический агитационный раек в духе Демьяна Бедного (Придворова).

Пользуясь случаем, мы хотим поблагодарить за консультации Альтшуллера Марка Григорьевича, Проскурина Олега Анатольевича, его жену Веру за помощь личную, еще одну Веру Аркадьевну Мильчину, библиографа Харламову из СПТБ, С.В. Корицунову (спасибо тебе!), Кирилла Юрьевича Зубкова, Андрея Ивановича Серкова, Сергея Игоревича Панова, И.И. Федюкина, автора «Е <.....>ы» Кукина, друзей наших Люстрова и Балакина, коллег Майкла Вахтеля и Сергея Ушакина, французского филолога Строева Александра, американского историка Мартина тоже Александра, Игоря Владимировича Немировского, тени Баркова, Орлова, Гуковского, Наталью Николаевну Мазур любезную, Екатерину Эдуардовну Лямину не менее любезную и полезную, а также русской скоромной поэзии Пимена – ну, вы сами знаете, кого именно.

Список литературы

1. *Акельев Е.В.* Городская преступна среда и опыт борьбы с ней в России и Франции первой половины XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2009. 366 с.
2. *Виницкий И.Ю.* Жуковский и Гоголь. (Из истории одного места) // Unacknowledged Legislators. Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel / ed. by Lazar Fleishman, David M. Bethea and Ilya Vinitisky. Berlin: Peter Lang, 2020. С. 171–183.

⁵⁷ Ярославская колотушка. 1906. №7.

⁵⁸ Речь идет об управляющем Ярославской большой мануфактурой Алексее Флегонтовиче Грязнове, предпринявшем в период революционных событий 1905 г. попытку предотвратить забастовки с помощью некоторых уступок рабочим. Его деятельность осуждалась большевиками как «забота надсмотрщика о здоровом скоте» и «фактор, тормозивший выступления рабочих на одном из крупнейших ярославских предприятий» [38, с. 57].

3. *Виноградов В.В.* Неизвестные заметки Пушкина в «Литературной газете» 1830 г. // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Вып. 4–5. С. 453–476.
4. *Вяземский П.А.* Полное собрание сочинений / издание гр. С.Д. Шереметева. СПб., 1878–1896.
5. *Гардзонио Ст.* «Цикл об Иване Даниловиче» в исследовании М.М. Никитина: (Замечания к предварительной публикации сочинений А.В. Олсуфьева) // Study Group on Eighteenth Century Russia. Newsletter. 1992. No 20. P. 44–60.
6. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 13: Дневники. 1804–1833 / сост. и ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. 608 с.
7. *Зыкова Г.В.* Атрибуция некоторых текстов И.И. Дмитриева, В.А. Жуковского, П.А. Вяземского и М.Т. Каченовского в «Вестнике Европы» 1800–1810-х гг. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1994. № 2. С. 42–47.
8. *Иезуитова Р.В.* Шутливые жанры в поэзии Жуковского и Пушкина 1810-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982. Т. 10. С. 22–47.
9. *Илизаров С.С.* Московская интеллигенция XVIII века. М.: Янус-К, 1999. 369 с.
10. *Илюшин А.А.* Ярость праведных. Заметки о непристойной русской поэзии XVIII–XIX вв. // Литературное обозрение 1991. №11. С. 7–14.
11. *Кошелев В.А.* Пушкин: история и предание. Очерки. СПб.: Академический проект, 2000. 359 с.
12. *Кукушкина Е.Д.* Густав III в русской литературе XVIII века // XVIII век. СПб.: Наука, 2008. Сб. 25. С. 64–94.
13. *Левинтон Г.* Заметки о «Пушкине» // И время и место. Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Ошвата. М.: Новое издательство, 2008. С. 523–553.
14. *Левинтон Г.А., Охотин Н.Г.* «Что за дело им — хочу...»: О литературных и фольклорных источниках сказки А.С. Пушкина «Царь Никита и 40 его дочерей» // Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 28–35.
15. «Летите, грусти и печали...» Неподцензурная русская поэзия XVIII–XIX вв. / сост. К.Г. Красухин. М.: Littera, 1992. 224 с.
16. *Мартынов И.Ф.* У истоков русской фривольной поэзии: «Декамерон» Дж. Боккаччо в России XVIII века // Ricerche slavistiche. 1982/1984. Vol. 29/31. P. 153–175.
17. *Медведев М.М.* Грибоедов под следствием и надзором // Литературное наследство. М., 1956. Т. 60: Декабристы-литераторы. Ч. II. Кн. 1. С. 475–496.
18. *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / пер. с английского. СПб.: Искусство–СПБ, Набоковский фонд, 1998. 928 с.
19. Неизданная статья А.А. Фета о романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» / публ. и комм. Г. Волкова. // Литературное наследство. М., 1936. Т. 25–26. С. 477–544.
20. *Перетц В.Н.* Памятники русской драмы эпохи Петра Великого. СПб.: Имп. АН, 1903. 24 с. + 570 с.
21. Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX века / изд. подготовила Г.В. Ермакова-Битнер. Л.: Советский писатель, 1959. 754 с. (Библиотека поэта).
22. Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб.: Нестор-История, 2017. Вып. 3: Л–О. 640 с.

23. Русская демократическая сатира XVII века / мзд. подготовила В.П. Адрианова-Перетц. Изд. 2-е. М.: Наука, 1977. 254 с. (Лит. памятники).
24. *Саитов В.И.* Федор Григорьевич Карин, один из малоизвестных писателей второй половины XVIII в. СПб.: Типография Штейна, 1893. 23 с.
25. *Самовер Н.В.* «Не могу покорить себя ни Булгариним, ни даже Бенкендорфу...» Диалог В.А. Жуковского с Николаем I в 1830 году // Лица. Биографический альманах. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1995. С. 87–119.
26. *Серков А.И.* Русское мasonicство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. 1224 с.
27. *Серман И.З.* Из истории литературной борьбы 60-х годов XVIII века (Неизданная комедия Федора Эмина «Ученая шайка») // XVIII век. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Сб. 3. С. 207–225.
28. Словарь русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1988. Вып. 1: А–И. 358 с.
29. *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания / изд. подготовила С.В. Житомирская. М.: Наука, 1989. 790 с.
30. *Степанов В.П.* Неизданные произведения Д.П. Горчакова // XVIII век. Л.: Наука, 1989. Сб. 16. С. 110–129.
31. *Степанов В.П.* Полемика вокруг Д.И. Фонвизина в период создания «Недоросля» // XVIII век. Л.: Наука, 1986. Сб. 15. С. 204–229.
32. Три века поэзии русского Эроса: публикации и исследования / сост. А. Щуплов, А. Илюшин. М.: Пять вечеров, 1992. 160 с.
33. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
34. *Тынянов Ю.Н.* Пушкин. М.: Книга, 1984. 430 с.
35. *Успенский Б.А.* Избранные труды. М.: Гнозис, 1994. Т. II: Язык и культура. 688 с.
36. *Фрайман Т.* Творческая стратегия и поэтика В.А. Жуковского (1800-е – начало 1820-х годов). Тарту, 2002. (Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis. 10). URL: <https://www.ruthenia.ru/document/532393.html> (дата обращения 03.05.2020).
37. *Шарыпкин Д.М.* Скандинавская литература в России. Л.: Наука, 1980. 322 с.
38. *Шильникова И.В.* «Как фабриками нужно управлять»: деятельность управляющего Ярославской Большой Мануфактурой А.Ф. Грязнова (1898–1917 гг.) // Экономическая история. Обзорение. М.: МГУ, 2006. Вып. 12. С. 56–70.
39. *Шанир М.И.* Из истории русского «балладного стиха»: Пером владеет как елкой // Russian Linguistics. 1993. Vol. 17. No. 1. P. 57–84.
40. *Шруба М.* Барков и Майков // Новое литературное обозрение. 1996. № 14. С. 139–144.
41. *Шруба М.* «Девичья игрушка» и французские сборники фривольной поэзии XVIII века // Новое литературное обозрение. 2003. № 60 (2). С. 407–424.
42. *De Michelis C.G.* La satira ai Vecchio-credenti nel ciclo di Olsufev // Le minoranze come oggetto di satira. Padova, 2001. Vol. 1. P. 94–105.
43. *Morin N.* Bestiaire poitevin: expression traditionnelle, expression contemporaine. Prahecq: Edition U.P.C.P., Geste paysanne, [1984]. 352 p.
44. *Schruba M.* К специфике барковианы на фоне французской порнографии // Eros and Pornography in Russian Culture. Эрос и порнография в русской культуре / под ред. М. Левитга и А. Топоркова. М.: Ладомир, 1999. С. 200–218.
45. *Schruba M.* Русская obscene эпиграмма XVIII века (переводы с французского) // Russian Literature. 2002. Vol. 52. No1–3. P. 161–180.

46. *Stewart P., Barron William M.* Engraven Desire: Eros, Image & Text in the French Eighteenth Century. Duke University Press, 1992. 380 p.

47. *Sulpasso B.* Una “confessione di Fede” nella letteratura libertina russa: la satira ai vecchi credenti nel ciclo di Olsufev. Roma, 2005. 340 p.

48. *Zitser Ernest A.* A Full-Frontal History of the Romanov Dynasty // *The Russian Review*. 2011. Vol. 70. No 4. P. 557–583.

Статья поступила в редакцию: 14.07.2020

Одобрена после рецензирования: 08.10.2020

Дата публикации: 25.12.2020

Research Article

Herr Panzerbitter: An Episode From the History of Russian Collaborative Poetry From the Late 18th Through the First Third of the 19th Century

© 2020. Ilya Iu. Vinitzky

Princeton University, Princeton, USA

Abstract: The present article analyzes a playful collective poem “Commemoration” (“We have to commemorate certainly and for sure..”, 1833) which was co-authored by Petr Vyazemsky, Alexander Pushkin and Ivan Myatlev and addressed to their friend, one of the founders of Russian nonsense poetry, Vasily Zhukovsky. The article focuses on the name of “the former poet Panzerbitter, the venerable elder of our parish,” which opens the epistle, and argues that it serves as the interpretative key to the entire text. Who was this poet who has been left unnoticed by all compilers of dictionaries of Russian writers of the 18th century? Was he a real person? What does his name signify and why did the authors of the playful epistle start their commemorative missive to Zhukovsky with the reference to this “Herr”? The author reconstructs the “corpus of literary works” attributed to Panzerbitter, including the text of the unpublished play *Five Thousand Roubles*, and analyzes the allusive semantics and the pragmatics (a mischievous poetic consolation of Zhukovsky and parodic “wake” for ultra-royalism) of the “Commemoration,” considering the latter in the context of Russian frivolous “underground” poetry of the late 18th and early 19th centuries.

Keywords: collective poetry; 18th century frivolous (“underground”) poetry; literary mystifications; Petr Viazemskii; Alexander Pushkin; Ivan Miatlev; Vasily Zhukovsky; Nikolai Karamzin; Fedor Glinka; Dmitry Gorchakov.

Information about the author: Ilya Iu. Vinitzky, DSc in Philology, Professor, Princeton University, Princeton, USA. E-mail: vinitzky@princeton.edu.

For citation: Vinitsky, I. Yu. “Herr Panzerbitter: An Episode From the History of Russian Collaborative Poetry From the Late 18th Through the First Third of the 19th Century.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 260–298. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-4-260-298>

References

1. Akel'ev, E.V. *Gorodskaya prestupnaya sreda i opyt bor'by s nei v Rossii i Frantsii pervoi poloviny XVIII veka: dis. ... kand. ist. nauk.* [The Urban Criminal Environment and the Attempt of Fighting Against It in Russia and France in the First Half of the 18th Century: PhD Thesis]. Moscow, RGGU Publ., 2009. 366 p. (In Russ.)
2. Vinitsky, I. Yu. “Zhukovskii i Gogol'. (Iz istorii odnogo mesta)” [“Zhukovsky and Gogol. (From the History of a Place)”]. *Unacknowledged Legislators. Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*, ed. by Lazar Fleishman, David M. Bethea and Ilya Vinitsky. Berlin, Peter Lang Publ., 2020, pp. 171–183. (In Russ.)
3. Vinogradov, V.V. “Neizvestnye zametki Pushkina v ‘Literaturnoi gazete’ 1830 g.” [“Unknown Notes by Pushkin in the ‘Literaturnaya Gazeta’ of 1830”]. *Pushkin. Vremennik Pushkinskoi komissii* [Pushkin. Chronicle of the Pushkin Commission], issue 4–5. Moscow, Leningrad, 1939, pp. 453–476. (In Russ.)
4. Viazemskii, P.A. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], published by Count S.D. Sheremetev. St. Petersburg, 1878–1896.. (In Russ.)
5. Gardzonio, St. “Tsikl ob Ivane Daniloviche’ v issledovanii M.M. Nikitina: (Zamechaniia k predvaritel'noi publikatsii sochinenii A.V. Olsuf'eva)” [“Cycle About Ivan Danilovich’ in of M.M. Nikitin’s Study: (Notes on the Preliminary Publication of A.V. Olsufiev’s works)”]. *Study Group on Eighteenth Century Russia. Newsletter*, no. 20, 1992, pp. 44–60. (In Russ.)
6. Zhukovskii, V.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols.], vol. 13, comp. and ed. by O.B. Lebedeva, A.S. Yanushkevich. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 608 p. (In Russ.)
7. Zykova, G.V. “Atributsiia nekotorykh tekstov I.I. Dmitrieva, V.A. Zhukovskogo, P.A. Viazemskogo i M.T. Kachenovskogo v ‘Vestnike Evropy’ 1800–1810-kh gg.” [“Attribution of Some Texts by I.I. Dmitriev, V.A. Zhukovsky, P.A. Vyazemsky and M.T. Kachenovsky from the ‘Vestnik Evropy’ of 1800–1810s”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, no. 2, 1994, pp. 42–47. (In Russ.)
8. Iezuitova, R.V. “Shutlivye zhanry v poezii Zhukovskogo i Pushkina 1810-kh godov” [“Joking Genres in the Poetry of Zhukovsky and Pushkin of the 1810s”]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy* [Pushkin: Studies and Materials], vol. 10. Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 22–47. (In Russ.)
9. Ilizarov, S.S. *Moskovskaya intelligentsiia XVIII veka* [Moscow Intelligentsia of the 18th Century]. Moscow, Ianus-K Publ., 1999. 369 p. (In Russ.)
10. Iliushin, A.A. “Iarost' pravednykh. Zametki o nepristoinei russkoi poezii XVIII–XIX vv.” [“The Wrath of the Righteous. Notes on Obscene Russian Poetry of the 18th–19th centuries”]. *Literaturnoe obozrenie*, no. 11, 1991, p. 7–14. (In Russ.)
11. Koshelev, V.A. *Pushkin: istoriia i predanie. Ocherki* [Pushkin: History and Legend. Essays]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000. 359 p. (In Russ.)

12. Kukushkina, E.D. "Gustav III v russkoi literature XVIII veka" ["Gustav III in Russian Literature of the 18th Century"]. *XVIII vek [18th Century]*, vol. 25. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 64–94. (In Russ.)
13. Levinton, G. "Zametki o 'Pushkine'." ["Notes on 'Pushkin'."]. *I vremia i mesto. Istoriko-filologicheskii sbornik k shestidesiatiletiu Aleksandra L'vovicha Ospovata [The Right Time, the Right Place. Historical and Philological Collection for the 60th Anniversary of Alexander Lvovich Ospovata]*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2008, pp. 523–553. (In Russ.)
14. Levinton, G.A., Okhotin, N.G. "‘Chto za delo im — khochu...’: O literaturnykh i fol'klornykh istochnikakh skazki A.S. Pushkina ‘Tsar’ Nikita i 40 ego docherei’." ["What is it to them? — I want to...’: On Literary and Folklore Sources of A.S. Pushkin’s Fairy Tale ‘Tsar Nikita and his 40 daughters’"]. *Literaturnoe obozrenie*, no. 11, 1991, pp. 28–35. (In Russ.)
15. "Letite, grusti i pechali..." *Nepodsensurnaia russkaia poeziiia XVIII–XIX vv.* ["Fly Away, Sadness and Sorrow..."] *Uncensored Russian Poetry of the 18th–19th Centuries*, comp. K.G. Krasukhin. Moscow, Littera Publ., 1992. 224 p. (In Russ.)
16. Martynov, I.F. "U istokov russkoi frivol'noi poezii: ‘Dekameron’ Dzh. Bokkachcho v Rossii XVIII veka" ["On the Origins of Russian Frivolous Poetry: ‘The Decameron’ by G. Boccaccio in Russia of the 18th Century"]. *Ricerche slavistiche*, vol. 29/31, 1982/1984, pp. 153–175. (In Russ.)
17. Medvedev, M.M. "Griboedov pod sledstviem i nadzorom" ["Griboedov Under Investigation and Supervision"]. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 60: Dekabristy-literatory [Decembrists-Writers], part II, book 1. Moscow, 1956, pp. 475–496. (In Russ.)
18. Nabokov, V.V. *Kommentarii k romanu A.S. Pushkina ‘Evgenii Onegin’ [Commentary on the novel by A.S. Pushkin “Eugene Onegin”]*, trans. from English. St. Petersburg, Iskusstvo–SPB Publ., Nabokovskii fond Publ., 1998. 928 p. (In Russ.)
19. "Neizdannaiia stat'ia A.A. Feta o romane N.G. Chernyshevskogo ‘Chto delat?’." ["Unpublished Article by A.A. Fet About N.G. Chernyshevsky’s Novel ‘What Is to Be Done?’."], published and comm. by G. Volkov. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 25–26. Moscow, 1936, pp. 477–544. (In Russ.)
20. Peretts, V.N. *Pamiatniki russkoi dramy epokhi Petra Velikogo [Monuments of Russian Drama From the Era of Peter the Great]*. St. Petersburg, Imp. AN Publ., 1903. 24 p. + 570 p. (In Russ.)
21. *Poety-satiriki kontsa XVIII — nachala XIX veka (Biblioteka poeta) [Poets-Satirists of the Late 18th — Early 19th Century]*, prep. by G.V. Ermakova-Bitner. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1959. 754 p. (In Russ.)
22. *Pushkinskaia entsiklopediia: Proizvedeniia [Pushkin Encyclopedia: Works]*, issue 3. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2017. 640 p. (In Russ.)
23. *Russkaia demokraticheskaia satira XVII veka [Russian Democratic Satire of the 17th Century]*, 2nd ed., prep. by V.P. Adrianova-Peretts. Moscow, Nauka Publ., 1977. 254 p. (In Russ.)
24. Saitov, V.I. *Fedor Grigor'evich Karin, odin iz maloizvestnykh pisatelei vtoroi poloviny XVIII v. [Fyodor Grigorievich Karin, One of the Little-Known Writers of the Second Half of the 18th Century]*. St. Petersburg, Tipografia Shteina Publ., 1893. 23 p. (In Russ.)
25. Samover, N.V. "‘Ne mogu pokorit' sebia ni Bulgarinym, ni dazhe Benkendorfu...’ Dialog V.A. Zhukovskogo s Nikolaem I v 1830 godu" ["‘I Cannot Conquer Myself Neither by Bulgarin, Nor Even by Benckendorff...’ V.A. Zhukovsky’ Dialogue with Nicholas I in 1830"]. *Litsa. Biograficheskii al'manakh [Faces. Biographical Almanac]*. Moscow, St. Petersburg, Feniks Publ., Atheneum Publ., 1995, pp. 87–119. (In Russ.)

26. Serkov, A.I. *Russkoe masonstvo. 1731–2000: Entsiklopedicheskii slovar'* [*Russian Freemasonry. 1731–2000: Encyclopedic Dictionary*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 1224 p. (In Russ.)
27. Serman, I.Z. "Iz istorii literaturnoi bor'by 60-kh godov XVIII veka (Neizdannaiia komediia Fedora Emina 'Ucheniia shaika')" ["From the History of Literary Struggle of the 1760s (Fyodor Emin's Unpublished Comedy 'The Scientific Gang')"]. *XVIII vek [18th Century]*, vol. 3. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1958, pp. 207–225. (In Russ.)
28. *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka* [*Dictionary of Russian Authors of the 18th Century*], issue 1. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 358 p. (In Russ.)
29. Smirnova-Rosset, A.O. *Dnevnik. Vospominaniia* [*Diary. Memoirs*], prep. by S.V. Zhitomirskaya. Moscow, Nauka Publ., 1989. 790 p. (In Russ.)
30. Stepanov, V.P. "Neizdannye proizvedeniia D.P. Gorchakova" ["D.P. Gorchakov's Unpublished Works"]. *XVIII vek [18th Century]*, vol. 16. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 110–129. (In Russ.)
31. Stepanov, V.P. "Polemika vokrug D.I. Fonvizina v period sozdaniia 'Nedoroslia.'" ["The Controversy Around D.I. Fonvizin During the Creation of 'The Minor'"]. *XVIII vek [18th Century]*, vol. 15. Leningrad, Nauka Publ., 1986, pp. 204–229. (In Russ.)
32. *Tri veka poezii russkogo Erosa: publikatsii i issledovaniia* [*Three Centuries of Russian Erotic Poetry: Publications and Studies*], comp. A. Shchuplov, A. Iliushin. Moscow, Piat' vecherov Publ., 1992. 160 p. (In Russ.)
33. Tynianov, Iu.N. *Poetika. Istoriia literatury. Kino* [*Poetics. Literary History. Cinema*]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 574 p. (In Russ.)
34. Tynianov, Iu.N. *Pushkin*. Moscow, Kniga Publ., 1984. 430 p. (In Russ.)
35. Uspenskii, B.A. *Izbrannye trudy* [*Selected Works*], vol. II. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 688 p. (In Russ.)
36. Fraiman, T. *Tvorcheskaia strategii i poetika V.A. Zhukovskogo (1800-e – nachalo 1820-kh godov)* [*Creative Strategy and Poetics of V.A. Zhukovsky (1800s – early 1820s)*]. Tartu, 2002. Available at: <https://www.ruthenia.ru/document/532393.html> (Accessed 03 May 2020). (In Russ.)
37. Sharypkin, D.M. *Skandinavskaiia literatura v Rossii* [*Scandinavian Literature in Russia*]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 322 p. (In Russ.)
38. Shil'nikova, I.V. "Kak fabrikami nuzhno upravliat': deiatel'nost' upravliaiushchego Iaroslavskoi Bol'shoi Manufakturoi A.F. Griaznova (1898–1917 gg.)" ["How Factories Need to Be Managed': the Activities of the Manager of the Yaroslavl Big Manufactory A.F. Gryaznov (1898–1917)"]. *Ekonomicheskaiia istoriia. Obozrenie* [*Economic History. Review*], issue 12. Moscow, MGU Publ., 2006, pp. 56–70. (In Russ.)
39. Shapir, M.I. "Iz istorii russkogo 'balladnogo stikha': Perom vladeet kak eldoi" ["From the History of Russian 'Ballad Verse': He Wields the Pen As Good As His Prick"]. *Russian Linguistics*, vol. 17, no. 1, 1993, pp. 57–84. (In Russ.)
40. Shruba, M. "Barkov i Maikov" ["Barkov and Maykov"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 14, 1996, pp. 139–144. (In Russ.)
41. Shruba, M. "'Devich'ia igrushka' i frantsuzskie sborniki frivol'noi poezii XVIII veka" ["'Girl's Toy; and French Collections of Frivolous Poetry of the 18th Century"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 60 (2), 2003, pp. 407–424. (In Russ.)
42. De Michelis, C.G. La satira ai Vecchio-credenti nel ciclo di Olsufev. *Le minoranze come oggetto di satira*, vol. 1. Padova, 2001, pp. 94–105. (In Italian)
43. Morin, N. Bestiaire poitevin: expression traditionnelle, expression contemporaine. *Praheq: Edition U.P.C.P. Geste paysanne*, 1984. 352 p. (In French)

44. Schrub, M. “K spetsifike barkoviany na fone frantsuzskoi pornografii” [“On the Specifics of Barcovianism Against the Background of French Pornography”]. *Eros and Pornography in Russian Culture. Eros i pornografiia v russkoi kul'ture*, ed. by M. Levitt and A. Toporkov. Moscow, Ladomir Publ., 1999, pp. 200–218. (In Russ.)

45. Schrub, M. “Russkaia obstsennaia epigramma XVIII veka (perevody s frantsuzskogo)” [“Russian Obscene Epigram of the 18th century (Translations from French)”]. *Russian Literature*, vol. 52, no. 1–3, 2002, pp. 161–180. (In Russ.)

46. Stewart P., Barron William, M. *Engraven Desire: Eros, Image & Text in the French Eighteenth Century*. Duke University Press Publ., 1992. 380 p. (In English)

47. Sulpasso, B. *Una “confessione di Fede” nella letteratura libertina russa: la satira ai vecchi credenti nel ciclo di Olsufev*. Roma, 2005. 340 p. (In Italian)

48. Zitser, Ernest A. A Full-Frontal History of the Romanov Dynasty. *The Russian Review*, vol. 70, no. 4, 2011, pp. 557–583. (In English)

The article was submitted: 14.07.2020

Approved after reviewing: 08.10.2020

Date of publication: 25.12.2020